

A romantic illustration of a man and a woman about to kiss, surrounded by various flowers like lilies, tulips, and roses. The background is a soft blue sky with distant mountains.

Джосанна Линдсей

Погоня
за счастьем

очарование
лучшее

Мужчина моей мечты

Джоанна Линдсей
Погоня за счастьем

«АСТ»

2002

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Линдсей Д.

Погоня за счастьем / Д. Линдсей — «АСТ», 2002 — (Мужчина
моей мечты)

ISBN 978-5-17-106046-6

Прекрасная и неопытная девушка из Шотландского нагорья, впервые окунувшаяся в светскую жизнь Лондона, должна опасаться. И не только коварных соблазнителей, но и бесчисленных женихов, которые мечтают заключить выгодный брак. Как быть юной Мелиссе Макгрегор теперь? Как выбрать среди множества поклонников единственного, кто желает завладеть не ее землями, но – ее сердцем? Единственного, кто и вправду готов отдать жизнь, дабы пробудить в прелестной шотландке пламя жгучей страсти?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-106046-6

© Линдсей Д., 2002
© АСТ, 2002

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джоанна Линдсей

Погоня за счастьем

© Johanna Lindsey, 2002

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

– Ты не слишком любишь свою мать, верно, мальчик мой?

Линкольн Росс Бернетт, семнадцатый виконт Кембери, с любопытством уставился на тетку, сидевшую напротив на мягком сиденье дорожного экипажа, уносившего их по крутым дорогам Шотландского нагорья. Вопрос не казался чем-то из ряда вон выходящим, по крайней мере для него. Однако, задай его кто-либо другой, виконт просто-напросто сделал бы вид, что не слышит.

Его тетя Генри, – только мужу и племяннику было позволено звать ее именно так, – была милой дамой ангельского вида лет сорока пяти. Несколько рассеянная и легкомысленная, можно сказать, ветреная, что делало ее еще прелестнее. Правда, на первый взгляд в ней не было ничего особенного: маленькая, пухленькая, с круглым лицом, обрамленным пушистыми золотистыми локончиками. Эдит, ее дочь, уродилась в мать. Настоящая копия, только гораздо моложе. Но, даже не будучи классическими красавицами, они неизменно трогали сердца бесчисленных поклонников, не говоря уже о том, что каждая обладала массой подкупающих качеств.

Линкольн любил обеих. Именно они стали его семьей, а не та женщина, которая все эти годы мирно жила в Шотландии, после того как девятнадцать лет назад отослала его в Англию, к дяде. Тогда ему было всего десять. Одиноким, несчастным мальчишкой, оторванный от единственного дома, который считал своим, и попавший к чужим, незнакомым людям.

Но Бернетты не долго оставались чужаками. Они с самого начала приняли его как сына, хотя у самих тогда не было своих детей. Эдит родилась через год после его появления, и, к несчастью, вскоре выяснилось, что она останется их единственным ребенком. Неудивительно, что дядя Ричард решил сделать его своим наследником и даже сменил фамилию племянника, чтобы имя Бернеттов сохранилось вместе с титулом.

Кажется, все это не должно было бы задевать Линкольна. В Англии он прожил немного дольше, чем в Шотландии, давно распростился с шотландским акцентом и настолько освоился в светском обществе, что никто не принял бы его за шотландца. Все считали, что Росс – его второе имя, а не настоящая фамилия.

Нет, все это не должно было ни на йоту волновать его, но отчего-то волновало. И пусть он никому не выказывал ни обид, ни горечи и до этого момента был совершенно уверен, что никто ничего не замечает, оказалось, что это не так. Вопрос тетки застал его врасплох. Значит, она подозревает правду?

Как ни странно, но одним из свойств тетки, которыми неизменно восхищался Линкольн, была беззаветная самоотверженность во всем, что касалось здоровья и благополучия членов семьи. Стоило кому-то заболеть или попасть в беду, она превращалась в не терпящую возражений властную женщину, и сам Линкольн немало дней провел в постели с простудой, чтобы не испытать это на собственной шкуре. И если при этом тете Генри старались объяснить, что это ее не касается, она не успокаивалась, пока не поставит на своем. Тут был именно такой случай. Но его чувства к матери – только его дело. И ничье другое.

Вот и сейчас, не собираясь ни с кем откровенничать и признаваться в собственных чувствах, он уклончиво спросил:

– Что внушило тебе эту мысль?

– Посмотри на себя! С тех пор как мы покинули дом, ты на себя не похож! Мрачный, задумчивый, угрюмый, – ты в жизни таким не был! И все время молчишь! Словечка не проронил с той минуты, как Эдит задремала.

К счастью, Генриетта, сама того не подозревая, дала ему идеальный предлог для отговорки.

– Мне о многом пришлось поразмыслить с тех пор, как ты объявила, что в этом сезоне Эдит впервые собирается выйти в свет со всей подобающей пышностью, и именно мне придется быть ее спутником на балах и раутах! Черт возьми, я просто не знаю, что полагается делать спутнику молодой барышни, пустившейся на охоту за мужем!

– Вздор, ничего сложного в этом нет. Ты и сам чересчур затянул так называемую охоту и постоянно отговариваешься тем, что до сих пор никто не привлек твоего внимания. Тебе давно уже следовало иметь троих-четверых детишек, но нет! Недалек тот час, когда ты приобретешь репутацию закоренелого холостяка! Ты не торопишься с выбором жены, и многие мужчины тебя поймут. Но Эдит не может ждать. Поэтому вы вместе достигнете цели. Блестящий план, и ты сам это понимаешь. Надеюсь, ты не передумал?

– Нет, но...

– Но я больше слышать ничего не хочу. Кстати, ты не ответил на мой вопрос, – напомнила Генриетта.

– Почему же, ответил и, если ты не удовлетворена, могу по крайней мере заверить, что волноваться не о чем.

– Чушь! – снова не согласилась тетка. – Да, я не приставала к тебе, требуя объяснить, какую дорогу ты избереешь в жизни, не навязывала своих мнений, но это еще не значит, что буду равнодушно смотреть, как ты спокойно идешь ко дну. Поверь, меня безмерно огорчат твои неудачи.

– Безмерно?

Линкольн поднял брови и, не в силах сдержаться, расплылся в улыбке. Тетка негодуя фыркнула:

– И нечего мне зубы заговаривать! На этот раз тебе не удастся уйти от разговора.

– Хорошо, – вздохнул Линкольн, – так и быть: что привело тебя к тому поразительному заключению, что я не люблю свою мать?

– Возможно, тот простой факт, что за девятнадцать лет ты ни разу ее не навестил.

Суровая красота горного пейзажа, окружавшего карету, разрывала сердце Линкольна. Как давно память не возвращала его к былому! Шотландское нагорье оказалось таким же диким и прекрасным, как в его воспоминаниях, и Линкольн вдруг осознал, что тосковал по родине больше, чем ему представлялось, судя по тому, как потрясла его встреча с давно знакомыми местами. Но даже этого оказалось недостаточно, чтобы привести его сюда на несколько лет раньше.

– Какой смысл было приезжать сюда, если сама она довольно частый гость в Англии? – возразил он.

– И у тебя как раз в это время обычно находятся неотложные дела в других графствах, – проницательно заметила тетка.

– Срочные обстоятельства, – пояснил он, хотя, судя по выражению лица, тетка ни на миг ему не поверила.

– Ну да, а по-моему, ты скорее согласился бы выдернуть себе зуб, чем лишний раз встретиться с матерью.

– Так уж сложилось, что она всегда появляется не вовремя.

– Скажи уж, тебе приходится срочно придумывать предлог для бегства, причем не всегда убедительный. Боже, в жизни не думала, что увижу, как ты краснеешь, мальчик мой. Не в бровь, а в глаз, верно?

Под насмешливым взором тетюшки Линкольн, разумеется, побагровел еще гуще, но голос тем не менее звучал весьма сухо:

– Думаю, наш разговор ни к чему не приведет, тетя Генри. Лучше оставить эту тему, пока Эдит не проснулась.

Тетушка обидчиво поджала губы, расстроенная, что он не поделился с ней своими чувствами. Линкольн успел заметить недовольную гримаску, прежде чем Генриетта пожала плечами и отвернулась. Она не дулась, возможно, просто не умела. Но обычно и не была столь настойчивой, и племянник не без основания опасался, что дело на этом не кончится, и ему придется снова отбиваться от тетушки.

Только дядя Ричард понимал его, но и он не мог помочь. Ричард Бернетт никогда не был близок с сестрой, поэтому понятия не имел, по каким причинам та решила расстаться с мальчиком, и, естественно, не принимал ее сторону. Единственным правдоподобным объяснением была неспособность сестры воспитывать сына в одиночку, без отцовских наставлений и руководства. Не в силах справиться с ребенком, она отправила его к дяде. Ричард, со своей стороны, был безгранично благодарен ей за наследника и поэтому предпочитал не думать о причинах, заставивших ее пойти на это.

Теперь, когда Линкольн наконец принял решение найти жену и завести детишек, начать новую жизнь, он хотел забыть о горестях бывшего. Он готовился к важному шагу, хотел все сделать по правилам, как полагается. И не желал, чтобы прошлое омрачало его существование. Но неотвязные сомнения по-прежнему тревожили его. Сумеет ли он одолеть бывшие обиды? Втайне он опасался, что при виде матери и дома, из которого она изгнала сына, бывшая ярость разгорится с новой силой. Два года ушло у мальчика на то, чтобы смирить гнев и привыкнуть к новому окружению. Два долгих года, прежде чем бешенство сменилось обычной неприязнью.

Но он хотел, чтобы все это наконец кончилось. Забылось. Линкольн втайне даже питал надежду на то, что сумеет простить мать. Ему почти тридцать. Давно пора покончить с детскими обидами. Кроме того, вина лежит не только на ней. Она оказалась слишком большой трусихой, чтобы смело схватиться с соседом, сыновья которого пытались при каждом удобном случае поколотить Линкольна. Существовало множество способов покончить с этой дикой распрей. Но она предпочла удрать в кусты. Расстаться с сыном. Разлучить с домом, страной и... с родной матерью.

Глава 2

Кимберли Макгрегор помахала письмом, чтобы привлечь внимание только что вошедшего в комнату мужа.

– Меган снова написала, – сообщила она. – У нее куча приглашений, как обычно, чересчур много, но это, похоже, именно то, что нужно. Идеально! Пусть выберет сама, какие более всего подходят для ее целей. Судя по всему, она не на шутку взволнована, хотя при этом не признается, до чего скучала, когда Девлину пришлось отлучиться по делам, да еще на все лето. Хочешь прочесть?

– Нет.

Непривычно короткий ответ прозвучал к тому же слишком резко для человека веселого и добродушного, каковым всегда считался Локлан Макгрегор.

– Неужели ты передумал и не позволишь Мелиссе ехать в Лондон? Быть того не может.

– И что?

– Локлан!

– Не нравится мне, что приходится просить герцога и герцогиню Ротстон об одолжении, – угрюмо пробурчал Локлан.

Кимберли облегченно вздохнула. Ей следовало бы предвидеть такой оборот дела. Локлан прекрасно ладил с Девлином Сент-Джеймсом и его женой Меган, когда те приезжали в Крегора-Касл или звали их в гости, но так было не всегда. Про правде говоря, обстоятельства их встречи были несколько необычными... вернее, не столько необычными, сколько хорошо спланированными и осуществленными.

В те дни Локлан занимался набегами, иными словами, грабил англичан, имевших несчастье очутиться по ту или иную сторону границы. В его оправдание можно было сказать только, что бедняге приходилось содержать семью и кучу родственников, с тех пор как его мачеха сбежала со всеми деньгами. К сожалению, Меган и Девлин, решив убежать и без помех обвенчаться, выбрали именно Шотландию. Тогда-то и пересеклись их дорожки. На этом все бы и закончилось, не вбей себе в голову Локлан, что поражен прелестями Меган в самое сердце. В тот день Девлину пришлось расстаться не только с кошельком, но и с невестой. К его чести, следует заметить, что он пустился в погоню, вернул будущую герцогиню и задал Локлану заслуженную трепку.

Однако дело и на этом не кончилось, потому что в результате головокружительных трюков судьбы мужчины оказались связанными узами родства, когда Локлан, понявший, что грабежами клан не поддержишь, решил встать на честный путь и покончить с бедностью, женившись на богатой наследнице. Пришлось обратиться к тетке с просьбой помочь найти подходящую невесту. Оказалось, что тетя Маргарет в это время как раз гостит у двоюродного племянника Девлина.

Именно в Ротстоне Кимберли, приехавшая туда с той же целью – найти спутника жизни, – и встретила с Локланом. Правда, тот, не забыв свою страсть к прелестной Меган, не смог примириться с мыслью, что она счастлива в браке с Девлином. И даже титул герцогини не мог помешать ему пытаться увести ее от мужа.

Кимберли, зная всю эту историю, поспешила вычеркнуть Локлана из списка возможных женихов, несмотря на сильное к нему влечение. Но вышло, что они, живя в одном крыле огромного особняка, слишком часто сталкивались нос к носу, и хотя со стороны казалось, что молодые люди не выносят друг друга, и каждая встреча неизменно заканчивалась стычкой, все же приходилось признать, что влечение было обоюдным. Локлан сам не понял, как получилось, что он сумел соблазнить Кимберли.

Девлину, однако, не слишком нравилось, что шотландский разбойник, пытавшийся похитить его невесту, живет с ним под одной крышей, даже если, как выяснилось, этот самый разбойник приходится ему дальним родственником. Поэтому неудивительно, что он ухватился за первый подвернувшийся предлог, чтобы снова поколотить Локлана, куда основательнее, чем в первый раз. По правде говоря, удалось ему это лишь потому, что Локлан был мертвецки пьян, из-за той же Кимберли. В обычном состоянии этот гигант ростом более шести с половиной футов и с трудом проходивший в дверь вполне мог выйти победителем, как обычно и случилось.

Позже Девлину пришлось извиняться и за побои, и за ложное обвинение Локлана в краже породистых лошадей, в которой тот был не виноват, в результате чего мужчины стали хорошими друзьями, хотя и не сразу. Таковыми они и остались. Поэтому Кимберли сочла его замечание относительно одолжений по меньшей мере неуместным.

– Это была идея Меган, так что ни о чем просить не пришлось, – отпаривала она. – Как только она узнала, что мои чересчур любящие, ревностно следящие за племянницей братья отпугнули всех поклонников, немедленно предложила Мелиссе погостить в Англии, где никто не знает Макферсонов. Ты сам согласился, что это превосходная идея. И Мелли ждет не дождется, когда придет пора отправляться в путь. Поэтому отступать поздно.

– Я предполагал, что она останется в Ротстоне, как обычно, когда мы навещаем герцога с герцогиней. О Лондоне речи не шло, – пояснил он. – Девочка бывала в Ротстоне достаточно часто, чтобы чувствовать себя как дома. Лондон – дело другое, ей там будет не по себе, и...

– Не по себе? – перебила Кимберли. – Да наша дочь на седьмом небе от радости. Она ничуть не нервничает, а если кто и нервничает, так это ты! Не забудь, что сами мы собирались в Англию в конце лета! И что же? Ты позволяешь глупым страхам затмить рассудок?

– Дело не в этом. Просто не хочу, чтобы она считала себя обязанной непременно найти мужа, прежде чем вернется домой. Сознание своего долга – слишком большой груз для столь молодой девушки. Ты заверила ее...

– Еще бы! Объяснила, что она, если захочет, может остаться старой девой.

– Ох, Кимбер, это не смешно!

Но она рассерженно шикнула на мужа:

– Это ты делаешь много шума из ничего! Большинство девушек проходят через это, и я в их числе! И если я еще волновалась, то Мелли – ничуть! Она хочет как следует повеселиться, обзавестись новыми друзьями, как следует познакомиться с Лондоном и его чудесами и даже предполагает, что, возможно, заодно получит и мужа. Но это отнюдь не главная ее цель. Сначала она вообразила, что мы потребуем от нее непременно обручиться к концу сезона, но я успокоила ее, сказав, что если это произойдет – прекрасно, если же нет – тоже ничего страшного. Может, тебе следует сказать ей то же самое? Пусть окончательно успокоится, и будь что будет. Ну? Мне удалось рассеять твои сомнения?

– Нет, я по-прежнему считаю, что герцогиня взяла на себя огромный труд, согласившись вывезти Мелиссу в свет.

– Может, ты тоже хочешь погостить в Англии все лето вместо нескольких недель, как мы собирались?

– Но ты сказала, что это ни к чему! – возмущенно воскликнул муж.

– Совершенно верно, поэтому идти на попятную поздно. Мы договорились возместить Меган все расходы. Сама она не собирается давать балы, просто отвечает на приглашения, которые, без сомнения, и без того приняла бы. Кроме того, она обожает Мел и весьма опытна в такого рода делах. Сумела же ввести меня в общество, и даже сосватать жениха! Кому, как не ей, удалось соединить нас с тобой в счастливом супружестве?

Локлан расплылся в улыбке:

– Ты в самом деле считаешь, что мы счастливы в супружестве, дорогая?

Кимберли слегка вздернула золотистую бровь.

– А ты так не думаешь?

Муж рывком притянул ее к себе и припал к губам.

– Сам бы я назвал это истинным раем.

– Неужели? – рассмеялась Кимберли, но, немедленно спохватившись, предупредила: – О, ты так легко не отделаешься! Но откуда вдруг сомнения? И никакие неудачные отговорки тут не пройдут!

– Я надеялся, что наша девочка найдет себе доброго шотландца, притом достаточно отважного, чтобы презреть старые суеверия и отдубасить каждого из твоих братьев, который посмеет встать на его пути, – со вздохом признался Локлан.

– Что за ужасная мысль! – воскликнула она, ударив его по плечу и ловко ускользая в сторону. – Я люблю братьев...

– Знаю, Кимберли, и даже стараюсь их терпеть, но ты сама понимаешь, что они заслуживают хорошей трепки за то, что разогнали всех поклонников Мелли. Не будь у нас в Англии друзей, согласных вывозить ее на балы, бедняжка потеряла бы всякую надежду на замужество! А я хочу, чтобы жених сделал мою дочь такой же счастливой, как я тебя!

– Послушайте-ка этого хвастуна! – хмыкнула Кимберли.

– Чистая правда! – твердо заверил он.

– Возможно, – смиростивилась наконец жена. – Что же до Мелли и ее счастья... неужели национальность человека, который похитит ее сердце, так для тебя важна? И прежде чем ты ответишь, имей в виду, что если скажешь «да», можешь оскорбить свою жену-англичанку.

– Наполовину англичанку, – смеясь поправил он, – хотя иногда кое-кто жалеет, что твоим шотландским родичем оказался сам Макферсон.

На этот раз она не обратила внимания на укол.

– Отвечай!

– Нет, дорогая, я не имел в виду обязательно шотландца. Просто хотелось бы, чтобы он жил поближе к нам. Не хотелось бы далеко отпускать девочку, – снова вздохнул он.

Кимберли шагнула к Локлану и сжала ладонями его лицо.

– Но ты знал, что такая возможность существует.

– Да, дорогая.

– И знал также, что ее возможности выйти замуж в здешних местах весьма невелики. Поблизости нет больших городов, а в других кланах попросту не имеется молодых людей подходящего возраста. К тому же она дочь Макгрегора, что почти не дает ей шанса на приличное замужество.

– Да, мне и это известно.

– Значит, все это лишь страдания отца, вынужденного расставаться с единственной дочерью, хотя эта самая дочь даже не успела выйти замуж? – окончательно разозлилась Кимберли.

Локлан смиренно кивнул. Жена, решив не журить его за глупость и безволие, махнула рукой.

– Лок, я тоже не горю желанием разлучаться с Мелиссой. Но мы с самого дня ее рождения знали, что ей когда-нибудь придет пора становиться женой и матерью и уехать из Крегора-Касл. Да, мы не думали об Англии, но все же...

И тут Кимберли, к собственному удивлению, разразилась слезами. Локлан прижал ее к себе и что-то забормотал, пытаясь утешить. Наконец она, злясь на себя, оттолкнула его.

– Не спрашивай, что со мной творится, – всхлипнула она.

Локлан расплылся в улыбке, хотя было очевидно, что ему все еще не по себе.

– Прости, Кимбер. Не хотел пробуждать в тебе опасения.

– Вовсе нет. В отличие от тебя я счастлива, что у Мелли будет лондонский сезон! Только... – Теперь настала ее очередь вздыхать. – Только оказалось, что твоя надежда теплится

и во мне, хотя я давно с ней простилась. Кроме того, все это бессмысленно. Даже те немногие молодые люди, которые набрались смелости явиться сюда, живут далеко, и именно поэтому ты вовсе не расстроился, когда они удирали что было духу, верно?

– Ну... расстояние вовсе не так уж велико. Просто они мне не слишком понравились, и, как выяснилось, я был прав. Тот, последний, струсил, стоило Йену Второму намекнуть, что он будет крайне недоволен, если племянница прольет хоть одну слезинку.

– Думаю, всему причиной был тон Йена Второго... нет, он, кажется, при этом еще и схватил беднягу за грудки.

Супруги посмеялись, вспоминая, с какой быстротой неудачливый поклонник исчез в направлении дома. Что-то несвязно промямлил и буквально ринулся к двери, сбивая все на своем пути.

Оба переглянулись, чувствуя, как стало легче на душе.

– О-ох, так и быть, видно, ты все равно согласишься на своем, – сдался Локлан.

– Совершенно верно.

– Кстати, Мелли уже собрала вещи?

– У нее еще есть три дня: вполне достаточно времени, чтобы все уложить. Она собиралась перед отъездом навестить моего отца и, вполне возможно, проведет там ночь. Правда, я думаю, ее истинное намерение – заверить моих братьев, что она прощает их за то, что разогнали всех ее женихов. Бедняги до сих пор терзаются угрызениями совести, хотя Мелли не привечала ни одного парня из тех, кто приезжал сюда в прошлом году, поэтому никакой особой беды не случилось. Кроме того, она намеревалась объяснить, что когда найдет своего принца, сразу все поймет сама, так что им не стоит волноваться.

– И она действительно считает, что они ее так и послушали?

– По крайней мере надеется, – усмехнулась Кимберли. – Иногда даже мои братья склонны согласиться с разумными доводами.

Локлан презрительно фыркнул. Кимберли познакомилась с братьями уже в сознательном возрасте. Она выросла, считая себя единственным ребенком, и не встретила со своей многочисленной родней, пока Локлан не привез ее в Шотландию. Они явились без предупреждения, вернее, целой толпой перевалили через подъемный мост. Позже оказалось, что они выступали в роли авангарда. За ними явился ее настоящий отец, которого она до сих пор в глаза не видела. К ужасу Локлана, он оказался легендой Шотландии, причем одной из самых устрашающих. Именем Йена Макферсона матери пугали детей. Его считали бессердечным разбойником, таким подлым, что у него хватало совести смеяться и подначивать сыновей, пытавшихся разделаться друг с другом. Правда, для многих он был попросту старым чудаковатым отшельником, сорок лет не покидавшим дом. Да и зачем ему, если он держит в замке целый гарем?!

Были и такие, кто утверждал, что Йен уже много лет как мертв и его призрак ныне бродит по старой разрушенной крепости, долго бывшей местом его добровольного заточения. Ничто из вышеперечисленного не соответствовало действительности, но поскольку очень немногие люди могли похвастаться встречами с Йеном Макферсоном, то и опровергнуть сказки было некому.

Но Йен и в самом деле стал затворником и последнее время выезжал из дома только затем, чтобы навестить Кимберли и ее семью в Крегора-Касл, хотя это тоже случалось очень редко. Гораздо чаще именно она приезжала к отцу. Впрочем, Кимберли не возражала. Ей даже нравилось фантастическое окружение крепости, мрачная атмосфера, голые деревья, темные тучи, обычно скрывавшие небо и напоминавшие ей о замке ведьмы где-то высоко, в заоблачных горах. На самом же деле отец обитал в старой твердыне, превращенной в жилище и раскинувшейся на скалистом мысу. А уж внутри вообще не было ничего наводящего ужас: слишком много горластых, шумливых мужчин толклось на каждом клочке свободного пространства.

Наглым враньем было и то, что ее братья вечно пытались убить друг друга, хотя потасовки, причем жестокие, возникали довольно часто. Впрочем, братья просто боролись и почти сразу же мирились, вовсе не питая никаких убийственных намерений. Наоборот, они были фанатично преданны друг другу: стоило оскорбить одного, и приходилось иметь дело со всей стаей.

Истории о гареме тоже были чистейшим вздором, хотя и вполне правдоподобным, если учесть количество сыновей, которых породил Йен. И хотя у всех был один отец, произвели их на свет, за редчайшим исключением, разные матери. И все, как один, были незаконными. Йен так и не женился. За всю жизнь он любил одну женщину, мать Кимберли, но родители девушки вынудили ее выйти за графа Эмборо, мужчину, которого Кимберли считала отцом, пока тот в припадке пьяной откровенности не выложил правду.

Зато Йен никогда и ни в чем не отказывал своим детям, по крайней мере тем, о ком знал: собрал их в своем доме, хотя для этого пришлось ехать даже в Абердин, дал приют и некоторым женщинам, даже после того, как терял к ним всякий интерес. Мало того, он был неизменно верен очередной любовнице, или по крайней мере клялся в этом.

Ничего не скажешь, странноватая у нее семейка, и Кимберли радовалась бы, что выросла в другом месте, если бы человек, воспитавший ее, не был таким бессердечным тираном. У некоторых ее братьев были сестры от других отцов, но она приходилась родней им всем, и поэтому ей оставались беззаветно верными. Несмотря на то что она была самой старшей, ее старались защитить и уберечь от любой, даже воображаемой, опасности, а позже, когда родилась Мелисса, братья словно обезумели. Каждый был готов отдать за нее жизнь, если понадобится. И поскольку они присутствовали при ее рождении, то и считали *своей*.

Из-за этого они причинили Локлану немало неприятностей. Если они с Кимберли ссорились или если он хотя бы имел неосторожность хмуро посмотреть на нее и кто-то из братьев это замечал, немедленно начиналась драка. И упаси Боже, если отец вздумает пожурить Мелли в их присутствии. Чудо еще, что Локлан терпел их выходки, ибо они имели привычку набрасываться на него, даже не объяснив причины. Должно быть, подобное свойство присуще характеру шотландцев, но, так или иначе, он давно смирился и никогда не упрекал их.

Но Кимберли горячо любила братьев, всех шестнадцать, и была готова оправдать любые их недостатки, которых у них было великое множество. Задиры, спорщики, вспыльчивые драчуны, что было весьма странно, учитывая куда более сговорчивый характер воспитавшего их Йена. По крайней мере он был куда лучше до того, как вернулся в Шотландию лечить свое разбитое сердце. И с тех пор, как в его жизнь вошла Кимберли, он был сама доброта.

Глава 3

Дом был старым, но находился в прекрасном состоянии и славился роскошью обстановки. Доналд Росс не имел титула и по английским стандартам даже не считался дворянином, но разбогател благодаря огромному состоянию, которое вместе с домом передавалось нетронутым из поколения в поколение. Доналд поразил всех и каждого, завоевав руку дочери английского виконта, но, по слухам, это был брак по любви, так что всех неизменно трогала давняя история.

В памяти Линкольна сохранился высокий широкоплечий здоровяк, сердечный и добродушный, без памяти любивший сына. Он погиб, проверяя одну из своих шахт на равнине. Свод обрушился, почти раздавив его, и бедняга умер в мучениях через несколько дней, после того как его извлекли из завала. Линкольну так и не позволили увидеть отца после несчастного случая. В то время он горько жалел об этом, но по прошествии лет был даже благодарен судьбе за то, что удалось сохранить об отце только светлые воспоминания.

Странно только, что Элиноর, его мать, осталась в Шотландии после кончины мужа. Во всяком случае, не для того, чтобы воспитывать Линкольна, ибо она отослала его почти сразу после того, как начались неприятности. Но почему же она не поехала с ним? Если не хотела продавать дом, можно было нанять управляющего. В Шотландии у нее не было ни единого родственника. Не то что в Англии. Правда, Ричард утверждал, что никогда не был близок с сестрой, но все же...

Став старше и немного поразмыслив, Линкольн решил, что она хочет присмотреть за его наследством, довольно большим, включавшим множество владений и деловых предприятий, требовавших неусыпного внимания. В одном из своих писем мать сообщала, что теперь, став совершеннолетним, ему самому следует управлять своей собственностью.

Но и на это послание Линкольн не ответил. Пусть наследство принадлежит ему, но он не желает ничего касаться, если это означает, что придется иметь дело с матерью. Довольно легкий выбор, тем более что Линкольн не нуждался в деньгах. Поместье-майорат дяди Ричарда перешло к нему и приносило большой доход.

Но теперь Линкольн был дома. Здесь он родился и провел первые десять лет жизни. К сожалению, его страхи оправдались. Ярость охватила его с новой силой, стоило лишь бросить взгляд на мать, одиноко стоявшую на крыльце, когда они выбирались из экипажа. Сколько раз Элинор вот так, с тревогой ждала возвращения сына! Вид матери и воспоминания, нахлынувшие на него, должны были растопить сердце. Но вместо этого во рту был вкус желчи.

В последний раз он видел ее десять лет назад, во время одного из многочисленных визитов в Англию. Тогда он не смог уклониться от встречи. Но, становясь старше, он изобретал все больше хитроумных предлогов, действовавших прекрасно... до сегодняшнего дня.

Она казалась старухой. И дело было не только в возрасте. Да, ей было около пятидесяти, но выглядела она семидесятилетней. Волосы совсем поседели, хотя тогда, во время встречи, серебро только поблескивало в густых прядях. Лицо усталое, словно жизнь стала для нее тяжким бременем.

Она была вся в черном, как в трауре. Но по ком? Эта женщина была богата, могла много путешествовать, пока еще позволял возраст, снова выйти замуж, делать все, что пожелает. Но вместо этого предпочла остаться здесь, существовать в одиночестве, и, возможно, сейчас жалела об этом.

Но Линкольн не испытывал к ней ни малейшего сочувствия: все затмевал слепящий гнев. Только неимоверным усилием воли он заставил себя остаться на месте, вместо того чтобы прыгнуть в экипаж и умчаться прочь. К сожалению, он не сможет сдерживаться долго. Они собирались пробыть здесь не менее недели, прежде чем вернуться в Лондон, к началу сезона.

Повезет, если он сумеет протянуть несколько дней в ее обществе, не выплеснув накопившейся горечи.

Генриетте пришлось подтолкнуть его к дому. Проходя мимо, он просто кивнул Элиноর, сухо бросил «мама» и проследовал в гостиную, не удостоив мать лишним взглядом. Порази-тельно, как еще ему удалось хотя бы это!

Тетушка своей обычной оживленной болтовней заполнила неловкую паузу, которая последовала за холодным приветствием.

Беда в том, что Линкольн никак не мог успокоиться. Он подошел к окну гостиной, выхо-дящему на север, и при мысли об этих гнусных дикарях взбесился окончательно.

Прошло полчаса, а он все еще не шевельнулся, хотя тетка и кухня давно устроились наверху. Боялся спросить себя, что сделает, если Элинор спустится вниз одна, без Генри или Эдит.

Однако страхи не оправдались. За спиной раздался знакомый голос:

– До чего же приятно снова видеть вас после стольких лет, молодой хозяин! Вы меня помните?

Линкольн обернулся. Перед ним стоял мистер Моррисон, протягивая чашку с чаем. Из всех слуг в доме англичанкой была только горничная Элинор. Та привезла ее с собой, когда вышла за Доналда. Кроме того, она принесла в дом английские привычки, одной из которых был пятичасовой чай. Моррисон был дворецким еще до приезда молодой хозяйки и, очевидно, до сих пор оставался в этой должности. Но неужели он всегда был таким маленьким и согбен-ным?

Линкольн не помнил. Разумеется, сам он перед отъездом в Англию еще не успел вытя-нуться в полный рост: шесть футов четыре дюйма, так что Моррисон казался тогда гораздо выше.

– Разумеется, мистер Моррисон. Вы почти не изменились.

Приземистый шотландец рассмеялся... нет, скорее, закудаhtал.

– Зато вы стали совсем другим. Не знай, что матушка вас ожидает, наверняка не узнал бы.

Линкольн не считал, что очень уж изменился, разве что вырос. Впрочем, перемен не замечаешь, когда столько лет подряд каждый день видишь в зеркале собственное лицо. Волосы были так же черны, глаза все такие же карие. Правда, черты стали более определенными. Жен-щины находили его красивым, хотя Линкольн считал, что его титул не менее привлекателен, чем внешность.

Линкольн взял чашку, но не стал пить, а вместо этого поставил ее на подоконник. Сам он предпочел бы что-то более крепкое, способное оглушить.

– А те дикари до сих пор здесь живут? – спросил он, кивнув на окно.

– Сомнительно, поскольку с тех пор они успели вырасти. Но о них мало что известно, во всяком случае, никаких слухов до нас не доходит, ни благоприятных, ни дурных.

Линкольну не пришлось объяснять, кого он имеет в виду. Не он один считал дикарями именно этих шотландцев. Даже в детстве они отличались редкой необузданностью нрава. И тогда жили в четырех милях отсюда к северу, достаточно далеко, чтобы он мог никогда с ними не встретиться... если бы еще ребенком не забрел на их земли.

Линкольн решил все выяснить. Честно говоря, он просто нуждался в предлоге улизнуть, прежде чем снова покажется мать. Он не собирался связываться с дикарями, хотя теперь был куда лучше готов к встрече, чем тогда, в десять лет. Но сейчас главное – уехать из дома, хотя бы на несколько часов. И совсем не обязательно направляться на север.

Вскоре Линкольн обнаружил, что скачет именно туда.

Глава 4

Разумеется, во всем виновато его любопытство. Он, как все в округе, наслушался историй о легенде по имени Йен Макферсон, хотя никогда не встречал самого героя. Только видел его дом, просто не помнил, что он настолько мрачен с виду. Разумеется, ребенок все видит иначе. То, что взрослому кажется унылым и отталкивающим, малыш может найти пугающим и, следовательно, волнующим.

Старая крепость раскинулась на скале, в окружении голых деревьев. Позади плескалось холодное море. Деревья, должно быть, когда-то плодоносили, прежде чем почва окончательно выветрилась, и только корни, впившиеся в камни, служили свидетельством того, что и здесь когда-то теплилась жизнь.

Несмотря на конец весны, здесь ничто и никогда не зацветет, разве что Макферсон соизволит завезти сюда землю. Совершенно непонятно, почему кому-то взбрело в голову здесь поселиться, однако Линкольн увидел новые постройки, не такие большие, как старая крепость, но все же и там были свои хозяева. Очевидно, у Макферсона, кроме огромного выводка сыновей, были и другие родственники.

Здесь царил тишина, насколько мог припомнить Линкольн, вполне обычная для этого места. Если случайному человеку не попадался на глаза кто-то из отродья Макферсонов, можно было считать это место заброшенным. Правда, в зимние месяцы поднимавшийся из труб дым свидетельствовал о том, что здесь все же живут. Но теперь вокруг не было ни души.

Линкольн никогда не был в доме, вернее, его туда не приглашали. Впрочем, вряд ли кто-то из соседей удостаивался подобной чести. И все же он не раз стучался в эту дверь, чтобы вызвать на улицу приятелей. Правда, они никогда не говорили об отце. Не то что посторонние люди, совершенно не знавшие семейство Макферсонов.

Воспоминания об этих счастливых временах больно ранили душу. Однако здравый смысл возобладал, и Линкольн повернул коня, прежде чем кто-то его заметил. Но воспоминания не хотели уходить. В памяти всплывали вещи, о которых он не думал годами.

Рассеянно хмурясь, он свернул с южной тропинки, ведущей домой, на восток, туда, где он много раз бывал в детстве.

Пруд был на прежнем месте. Развалины сарая неподалеку служили единственным признаком того, что кто-то когда-то здесь жил. Правда, и прудом это трудно назвать, скорее, огромная яма, где собиралась никогда не высохшая дождевая вода. Несколько поросших мхом кирпичей позволяли предположить, что яма век или два назад служила кому-то подвалом.

Еще одна сценка пришла на ум. Ему тогда было лет восемь. Стоял чудесный денек, один из самых жарких за короткое лето. Погода в этой местности обычно была не настолько теплой, чтобы детям требовалось охладиться, но на этот раз вспотевший Линкольн вспомнил о маленьком пруде, на который набрел в своих скитаниях, и решил пару раз окунуться. Правда, он еще не умел плавать, но пруд был глубоким только с одной стороны, и он решил держаться подальше от этого места.

Однако оказалось, что не он один такой сообразительный. В воде уже плескалось несколько братьев Макферсон. Изголодавшись по общению со сверстниками, Линкольн пришел в восторг и немедленно предложил им дружбу. Трое высмеяли его, но четвертый, Дугал, которому в то время тоже было восемь, тут же согласился, и они стали лучшими друзьями.

Постепенно Линкольн познакомился со всеми братьями. Как и те, кто был с Дугалом у пруда, они не были столь открытыми и сначала не слишком стремились принять мальчика в свой круг, но прошло не так много времени, прежде чем он посчитал их своими друзьями. И как же быстро они превратились в злейших врагов!

Занятый своими мыслями, Линкольн почти добрался до пруда, прежде чем сообразил, что он не один. На берегу расположилось целое семейство: женщина, сидевшая у края воды, присматривала за двумя весело плескавшимися девчонками. Чуть поодаль, в высокой траве, дремал мужчина. Жена то и дело шикала на дочек, вероятно, опасаясь, что они разбудят отца.

Линкольн никогда не видел взрослых людей в этих местах, но, разумеется, за много лет произошло немало перемен, тем более что здесь теперь живет больше народу, чем прежде. И с его стороны будет откровенной грубостью уехать, не обменявшись с ними ни единым словом, хотя он был не в настроении беседовать с посторонними. Но может, ему удастся незаметно скрыться, прежде чем его заметят?

Он остановил лошадь футах в пятнадцати от пруда. Женщина сидела спиной к нему, дети погрузились в воду так глубоко, что торчали только их головы. При этом они подняли такой шум, что наверняка его не видели. Что ж, тем лучше, можно попробовать потихоньку скрыться.

И тут лошадь заржала.

Линкольн вздохнул и сполз с седла.

Женщина повернула голову в его сторону, чтобы получше рассмотреть незваного гостя.

– Здравствуйтесь. – Очевидно, решив быть вежливой до конца, она встала и приветливо улыбнулась. Линкольн оцепенел от удивления. Рука застыла на луке седла. Забыв вынуть ногу из стремени, он буквально примерз к земле. В голове упрямо вертелась одна мысль: тот, кто сейчас дремлет в траве, – до чертиков везучий ублюдок. Самый удачливый в мире.

Для женщины она была очень высокой: по его прикидкам, до шести футов ей не хватало трех-четырех дюймов. И одета в простое деревенское платье: коричневая юбка без всяких признаков шлейфа, строгая белая блузка с длинными рукавами – ни оборочек, ни кружев, ни воланов, крепкие башмаки для прогулок, – эти небогатые люди явно притащились сюда пешком, – и клетчатая шаль, повязанная по бедрам и взятая на случай дождя.

Судя по одежде, она простая сельская бабенка, и к тому же бедная. Наличие мужа и детей предполагало, что Линкольну следовало бы думать о чем-то другом, и, уж во всяком случае, не о том, каковы на вкус ее мягкие губы.

И дело не только в росте, который он находил крайне интригующим, – Линкольн никогда не держал в объятиях такую великаншу, – но и во всем остальном. Короче говоря, он никогда еще не испытывал к женщине столь мгновенного и сильного влечения. Да, она смазлива, но он видел и красивее. Фигуру вовсе нельзя назвать роскошной, скорее уж тощей, но рост искупал все, не говоря об изящных изгибах бедер и груди, способной заполнить мужскую ладонь. А вот лицо... необыкновенное. Не слишком выдающиеся скулы, ямочки на щеках, деликатно изогнутые брови, похоже, не знавшие краски. Губы узковаты, но наверняка набухнут под страстными поцелуями. Глаза – светло-зеленые, как два сверкающих камушка – составляли эффектный контраст с темными волосами.

Может, именно эти волосы, длинные, распущенные, взлохмаченные ветром, беспорядочно спутавшиеся, придавали ей чувственный, земной вид обольстительницы, только что вставшей с постели после ночи любви. Поразительный цвет: каштаново-рыжий, почти черный, с легкими отблесками красноватого золота. Неудивительно, что у него перехватило дыхание: слишком неожиданным и сильным было настигшее его вожделение.

Наверное, именно опарашенный вид человека, забывшего вынуть ногу из стремени, вызвал ее звонкий смех.

– Если вы немедленно не скажете что-нибудь, я посчитаю, будто у меня выросло третье ухо. Вы здесь недавно, верно? Или просто приехали в гости?

– Нет... то есть да.

Ему наконец удалось поставить на землю вторую ногу. Правда, Линкольн с досадой ощутил, как стало жарко щекам. Ее мягкий шотландский выговор показался ему очаровательным.

Он часто слышал его от других женщин и уже, казалось, должен бы привыкнуть, но в ее устах он казался сладчайшей музыкой.

Линкольн медленно зашагал к ней, чувствуя, как колотится сердце.

– Собственно говоря, я в самом деле приехал погостить, хотя раньше жил в нескольких милях к юго-востоку отсюда.

– Неужели? – удивилась незнакомка. – А я считала, что знакома с каждым на двадцать миль в округе.

– О, это было давно. Вы скорее всего еще не появились на свет, когда я уехал, и, уж во всяком случае, были слишком молоды, чтобы знать всех соседей.

На вид ей казалось не более семнадцати-восемнадцати, но на самом деле она, должно быть, старше, если уже родила двоих, причем, судя по хихиканью, эти проказницы давно уже вышли из пеленок. Правда, он до сих пор не рассмотрел девочек как следует: из воды по-прежнему высывались только их головки.

– Вполне возможно, сэр. Трудно не согласиться, видя ваш почтенный возраст. Да вы раза в три меня старше.

Линкольн не поверил ушам. Она склонила голову так, что густые локоны скрыли лукавую улыбку.

Он недоуменно моргнул. Господи Боже, она видит его впервые и все же не устояла перед искушением подразнить. Как очаровательно, и до чего же приятно встретить женщину, которая при первом знакомстве не жеманится и не поджимает губы с чопорным видом! Он бы вполне мог оскорбиться. Но она, по-видимому, не принимала в расчет такие тонкости, а если и принимала, то не обращала внимания.

Девушка откинула волосы, ничуть не пытаясь кокетничать или обольщать, хотя и без того производила на Линкольна неотразимое впечатление. Губы все еще изгибались в лукавой улыбке, от ямочки на щеке невозможно было отвести глаз. Ему смертельно хотелось погрузить в нее язык, пока он будет ласкать ее хозяйку, так, что... Черт побери, он что, рехнулся?!

Линкольн поспешно отвел глаза, боясь, что сотворит что-то несусветное вроде того, что поцелует незнакомку на глазах ее же семьи. Он не волочится за замужними женщинами. Никогда и ни при каких обстоятельствах. И всегда держался этого принципа... до этой минуты.

Он посмотрел в сторону девочек и заметил их любопытные взгляды. Обе светловолосые, очень хорошенькие, лет семи-восьми, и не похожи ни на мать, ни на отца, если судить по тому, что из-под надвинутой на лоб шляпы выбивались черные волосы. Семь или восемь? Ничего не скажешь, видно, она выскочила замуж едва ли не ребенком!

Вид девочек на несколько секунд отвлек его от мыслей обольстить их мать.

– Что же, – признался он, оборачиваясь к женщине, – это было девятнадцать лет назад, и мне тогда только исполнилось десять, что делает меня не таким уж седовласым старцем.

Снова взрыв смеха, на этот раз восторженный. Очевидно, ей понравилось, что он вступил в шутивную перепалку.

– Вы уверены, сэр? Арифметика никогда не была моей сильной стороной.

– Совершенно, и, уж разумеется, я не в три раза вас старше, если предположить, что вам сейчас чуть больше девяти.

– О, намного больше!

– Кстати, меня зовут Линкольн Бернетт, – улыбнулся он.

– Мелисса Макгрегор.

Она протянула руку решительно, совершенно по-мужски, вместо того чтобы, как подобает дамам, царственным жестом подать ему. Но он тем не менее пожал тонкие пальчики, сгорая от желания поцеловать их. К сожалению, поцелуи рук давно вышли из моды и служили, скорее, очевидным признаком взаимного притяжения. Оставалось надеяться, что он не выдаст своей внезапной заинтересованности.

Линкольн с сожалением отпустил ее. Теперь, когда требуемые формальности выполнены, ему следовало бы уехать, но вместо этого он неожиданно для себя спросил:

– Значит, вы живете неподалеку отсюда?

Ему вообще не стоило спрашивать, тем более что не очень-то и знать хотелось. Наверное, потому, что Линкольн боялся поддаться искушению и попытаться снова ее разыскать. Будет куда лучше, если они никогда больше не встретятся.

– Нет. Крегора куда дальше к югу. Я приехала к бабушке на пару дней. Это он здесь живет.

Название Крегора ничего ему не говорило, но он смутно припомнил, что небольшая ветвь клана Макгрегоров действительно жила в старом разрушенном замке в девяти-десяти милях к юго-востоку от дома Россов. В своих детских скитаниях он не отваживался забираться так далеко.

– В этом пруду я учился плавать, – признался он, все еще не решаясь уехать. – И встретил здесь друга, который показал, как это делается, правда, после немилосердных издевательств над моей неуклюжестью.

– Как интересно! – удивилась она. – Мой дядя Джонни привел меня сюда именно с той же целью. Мне тогда было шесть. Куда легче учиться в стоячей воде, чем в океане. С тех пор я беру с собой кузин, чтобы тоже научить их плавать.

Странное занятие. Тащить за собой детей так далеко, чтобы преподавать совершенно ненужную для женщин науку. Разве что в их семье все рыбаки... Кузины?!

Он снова присмотрелся к девочкам. И в самом деле, ничего общего с Мелиссой. И если именно она их мать, значит, она гораздо старше, чем кажется.

– Они не ваши дочери? – неожиданно для себя выпалил Линкольн.

Девушка проследила за направлением его взгляда, и зеленые глаза снова зажглись весельем, хотя на этот раз она не рассмеялась вслух.

– А я-то была уверена, что сумела убедить вас, будто мне всего десять! Думаю, дед просто взбесился бы, начни я вдруг рожать детей, не успев побывать у алтаря!

Что это с ним творится? Он опять краснеет от смущения, как зеленый юнец, и одновременно готов прыгать от радости. Она не замужем! И вполне доступна... для более близкого знакомства!

– Прошу прощения, – извинился он. – Мне показалось, что передо мной семейство, решившее насладиться теплым днем.

– Мы и есть семейство. Вернее, родственники. Собственно говоря, я только во второй раз встретила этих кузин. Их мать впервые позволила им приехать в горы погостить у бабушки. Правда, у меня столько родственников, что сомневаюсь, удастся ли познакомиться со всеми.

Линкольн кивнул. Таковы все большие семьи. У него самого есть двоюродные и троюродные братья, как со стороны Бернеттов, так и со стороны Россов, которых он в глаза не видел, поскольку они переехали в другие страны.

– О, я и так занял слишком много вашего времени, – снова извинился он, шагнул к лошади. – Рад был познакомиться, мисс Макгрегор. Доброго вам дня, и до новой встречи.

Глава 5

Мелисса мечтательно смотрела в окно катившегося экипажа, мимо которого мелькали суровые, поросшие вереском горы. Но сейчас ей было не до того. Правда, путешествие в экипаже длилось в два раза дольше, поэтому она предпочитала ездить верхом, особенно когда навещала деда. Но сегодня она была не в себе и, возможно, именно потому попросила дядю, провожавшего ее домой, заложить дорожную карету, поскольку рассеянность и езда на норовистой лошади по крутым дорогам плохо между собой сочетались.

Кто бы подумал, что детские страхи, хоть и глупые, но в то же время неотвязные, станут причиной волнующего завершения ничем не примечательного дня? Все началось со второй встречи с дочерьми дяди Джонни. В тот, первый раз, три года назад, Мелисса сама отправилась на Шотландское нагорье со своими дядьями. Джонни пытался заботиться о девочках, но мать отказывалась доверить ему дочерей и позволила только навещать их в своем доме. Странно, что она вообще отпустила их к отцу!

Но не у одного Джонни возникали подобные проблемы. У многих его братьев дети были разбросаны по всей Шотландии. В этом отношении дядья пошли в отца. Но в отличие от него, собравшего всех незаконных отпрысков под одной крышей, далеко не все смогли последовать его примеру. Некоторые бывшие любовницы настаивали на женитьбе, прежде чем доверить им детей. Другие были весьма равнодушны к своему бесчестию.

Однако эта женщина попросту не выносила Джонни, впрочем, как и он ее. И причиной появления на свет их первой дочери была обычная попойка, во время которой оба надрались до потери сознания и не ведали, что творят. То же самое произошло, когда Джонни приехал навестить девочку. Кончилось тем, что у нее родилась сестричка, что явилось куда большим сюрпризом для родителей, чем для окружающих.

Но очевидно, женщина с годами немного смягчилась, и доказательством стало разрешение ехать в горы, пусть всего на неделю. А Джонни, обнаружив, что дочки не умеют плавать, предложил проводить Мелиссу домой и заодно воспользоваться прекрасным озером рядом с Крегорой, чтобы исправить это упущение.

Мелисса уже предложила давать девочкам уроки плавания, но дрожала при одной мысли об озере. Почти никто не знал о ее страхах. Совершенно идиотский страх, но она ничего не могла с собой поделать. Забрала в голову, что там обитает кто-то огромный и мерзкий, а озеро было слишком глубоко, чтобы кто-то мог добраться до дна и опровергнуть ее утверждение. Поэтому она и предложила, не дожидаясь отъезда, пойти к маленькому пруду, где ее саму учили плавать. Пусть он с одного конца чересчур глубок, зато каждый по крайней мере мог, наклонившись, увидеть, что на дне ничего нет, кроме глины и водорослей.

Но встретить на обычном пикнике такого мужчину, как Линкольн Бернетт... подобная удача до сих пор поражала ее, хотя еще больше изумляла собственная реакция.

Дочери Джонни немедленно доложили отцу о незнакомце, остановившемся, чтобы поболтать с Мелиссой, пока отец спал. Но его это ничуть не беспокоило.

– Ничего страшного не случилось. Иначе вы бы разбудили меня, верно? – только и обронил он, что вполне соответствовало истине.

И в самом деле ничего плохого, если только она снова не увидит его... А что, если и вправду не увидит? Что, если одна-единственная встреча роковым образом помешает ее охоте на мужа? Теперь она станет сравнивать с ним каждого мужчину, с которым сведет ее судьба. Она отчетливо это понимала. И все в результате будут проигрывать: не так красив, не так высок, не так общителен...

Но стоит ли об этом волноваться, если она твердо уверена, что обязательно встретится с ним? Он сам на это намекнул. И похоже, увлекся ею так же сильно, как она – им, поэтому нечего и сомневаться!

Честно говоря, с самого момента их встречи с ее лица не сходит дурацкая улыбка. Даже сейчас, когда ее старший дядя, Йен Первый, везет ее домой, Мелисса все еще сияет!

Шестеро из сыновей старика Макферсона носили имя отца. Многие люди находили это странным, но в ее семье это считалось в порядке вещей, учитывая, что у всех были разные матери, и именно они давали имя малышам. Чтобы не путать их, было решено каждому дать свой номер. Правда, если присутствовал всего один Йен, родные звали его просто по имени.

– Уж очень ты притихла сегодня, – заметил Йен на полпути. – Печалишься из-за Лондона?

– Нет, вовсе нет, – заверила Мелисса.

Йен, всего на год моложе ее матери, был для девушки скорее отцом, чем дядей, поэтому ей и в голову не пришло бы исповедаться ему. Зато младшего дядю, Йена Шестого, бывшего на восемь лет старше, она считала братом и частенько поверяла ему свои секреты. Она обязательно поведала бы ему о встрече с Линкольном, о каждой мелочи, детали, подробности, включая ее собственные чувства, если бы только он прошлым вечером оказался дома.

Но сейчас ей пришло в голову, что Йен Шестой, как старший из братьев, должен лучше помнить Линкольна. А у нее накопилось столько вопросов об этом человеке, поскольку с той минуты, как они расстались, она не могла ни о чем больше думать! Ах, сколько всего она могла бы узнать, если бы только догадалась задержать его подольше!

Она не знала, сколько времени он прогостит в Шотландии, не знала, где живет в Англии, и живет ли вообще в Англии, хотя, судя по его внешности и акценту, это было именно так. Какая же неудача, если он задержится в Шотландии, когда она через несколько дней уезжает в Лондон. И хуже всего, если к тому времени, когда она вернется домой, он отправится обратно!

Однако она не может отменить поездку, хотя уже потеряла к ней интерес. Слишком много планов с ней связано, не говоря уже о расходах на гардероб! Кроме того, не исключено, что визит Линкольна окажется коротким, и она с таким же успехом может продолжить их знакомство в столице. А что, если он там и живет? Ох, ну почему она не догадалась спросить?!

Йен вряд ли ответит на ее вопросы, но он по крайней мере может что-то знать об этом человеке. В эту минуту она была готова удовлетвориться любыми крохами сведений и поэтому без обиняков осведомилась:

– Ты знаешь Линкольна Бернетта, который жил в нескольких милях от тебя?

– Бернетт? Звучит как американец или англичанин.

– Скорее, англичанин.

– Значит, ты с ним виделась?

– Да, – подтвердила девушка. – Он очень мил и очень... красив.

– А ты, сразу видать, голову потеряла, – хмыкнул Йен. – Может, тогда и в Лондон не стоит ехать?

Йен в отличие от братьев не старался отпугнуть последних ухажеров Мелиссы. К сорока годам он стал заметно сдержаннее и теперь старался сначала разобраться в человеке, прежде чем выносить суждение. И хотя обладал столь же горячим нравом, как остальные Макферсоны, все же не спешил первым ввязываться в драку.

– Я только что встретила его, и мы недостаточно долго говорили, чтобы выяснить, как долго он здесь пробудет. Насколько я поняла, он довольно часто приезжает сюда. Вот и надеялась, что ты помнишь его и сможешь рассказать немного больше.

– Помню? Откуда? В округе никогда не жили Бернетты. Был какой-то Линк, вернее, Линкольн, но этот глупыш такой же шотландец, как я и ты.

– Я только на три четверти шотландка, – с ухмылкой поправила Мелисса.

– Да, а он – если хорошенько подумать – наполовину, то есть ни туда ни сюда, да только никакой он не Бернетт, а Росс. Девушка может вернуться домой с новой фамилией, а вот парень должен хранить ту, с которой родился.

– Он сказал, что не был на родине девятнадцать лет, хотя не объяснил, приехал ли насовсем или в гости. Я предположила, что его родня до сих пор обитает здесь и он приехал их навестить, но, возможно, вся семья давно переехала, и он всего лишь ищет старых друзей.

– Странно, мне самому девятнадцать лет назад было около двадцати, так что я бы знал, если кто-то из англичан жил поблизости. Может, он был приемным сыном и еще лежал в пеленках?

– Нет, он утверждал, что ему было десять, когда пришлось уехать отсюда. Может, это и есть Линкольн Росс, которого потом усыновили? А теперь он вернулся к своим настоящим родителям?

– Судя по возрасту, вполне может быть, но если в самом деле интересуешься им, Мелли, лучше молись, чтобы он не оказался тем Линком Россом, которого мы когда-то знали.

– Почему? – нахмурилась Мелисса.

– Потому что никого глупее, упрямее и мстительнее этого парня я сроду не встречал! Вместо того чтобы получить заслуженную трепку и смириться, он не уставал являться за новой порцией.

– Что он сделал такого, чтобы заслужить трепку?

Йен тяжело вздохнул:

– Думаю, тут и Дуги виноват, уж больно хотел подружиться с Линком. Так оно и вышло. Они сразу стали приятелями. Да и возраст у них был одинаковый. Впрочем, мы все его любили, но ближе всех он был с Дуги.

– Что же произошло?

– Он подрался с Дуги, но схватка была неравной. За те два года, что они дружили, Линк вымахал на голову выше Дуги. Один удар, и он сломал Дуги нос. Какая же это справедливая драка? Он знал, что так не годится, и не должен был начинать первым. Ну уж потом стоило ли удивляться, когда братья заступились за Дуги и отделали Линка по первое число? Неужели не думал, что мы не позволим обидеть никого из наших и не заставим обидчика заплатить сторицей?!

– Но ты сказал, что он все время возвращался?

– Да, посчитал, что его предали, и решил отомстить. Был полон решимости отвалтузить каждого из нас, несмотря на то что все всегда кончалось одинаково. Только сумасшедший мог решиться на такое.

– Нет, это не он, дядя, – уверенно заявила Мелисса. – Линкольн Бернетт вовсе не таков. Клянусь, совсем не таков.

– Можешь не убеждать, куколка, – хмыкнул Йен. – Не думаю, что это был он. Если я никогда не слыхал о твоём мистере Бернетте, то на это есть множество причин, и самая простая заключается в том, что он прожил здесь очень недолго. Приехал и уехал, прежде чем кто-то успел с ним познакомиться. Не впервые английские подданные королевы приезжают в Шотландию, чтобы выяснить, почему она так любит здешние места.

Да, вполне веская причина, и скорее всего именно поэтому Йен понятия не имеет о Линкольне Бернетте. Кроме того, тот неразумный мальчишка был шотландцем. Её Линкольн наверняка англичанин.

И, не думая больше о рассказе дяди, она принялась грезить о новой встрече с мистером Бернеттом.

Глава 6

Линкольн знал, что сидеть за одним столом с матерью будет нелегко. Прошлой ночью он уклонился от ужина под неубедительным предлогом усталости, а позавтракал поздно, потому что никогда не вставал на рассвете. Но совместного обеда избежать было нельзя, хотя атмосфера оставалась донельзя неловкой. Даже тетка с кузиной оказались не в состоянии поддерживать непринужденную беседу, поскольку его молчание было слишком красноречивым.

Наконец кузина Эдит, редко повышавшая голос, буквально завопила:

– Линкольн! Да что это на тебя нашло?!

– Прошу прощения?

– Я трижды задавала один и тот же вопрос! Пыталась узнать, возьмешь ты меня сегодня утром покататься?! В конце концов, я впервые в Шотландии и хочу увидеть немного больше, чем из окна кареты!!

– Прости, Эди. Видишь ли, вчера я встретил человека, который занимает все мои мысли.

– Девушку, надеюсь? – вставила Генриетта.

– Честно говоря, да.

Тетка ослепительно улыбнулась, очевидно, сделав собственные выводы.

– Превосходно! Нет, лучше и быть не может, если ты найдешь невесту еще до начала сезона! И не следует ждать! Вполне можно готовиться к свадьбе, пока ты провожаешь Эдит на все балы.

– Я абсолютно ничего о ней не знаю, если не считать имени, – сдержанно ответил Линкольн. – Едва познакомился с девушкой, только и всего.

– Когда мужчина ничего не слышит и не видит вокруг, это означает одно: что все его мысли о женитьбе, – отмахнулась Генриетта.

Линкольн покраснел, не потому, что тетка упомянула о женитьбе, которая якобы была у него на уме, но потому, что ему самому это не пришло в голову. Он хотел Мелиссу Макгрегор, и коротенькая интрижка его не устраивала. Каждый раз при мысли об этом, все в нем восставало. Только постоянный союз утолит его жажду.

Мысли о ней не давали уснуть всю ночь, и, прежде чем сомкнуть глаза, он подумывал купить ей коттедж в Англии и сделать своей содержанкой. Нет, у него не было привычки заводить любовниц. Он еще не встретил женщину, с которой хотел бы быть рядом... до вчерашнего дня.

Но почему, черт возьми, ему вместо этого не жениться на ней?! Только потому, что у него был титул, а у нее нет? Тем скорее она согласится выйти за него. Правда, ему следует все-таки сначала спросить ее, вместо того чтобы принимать ее согласие как должное.

– Так кто она и когда нам предстоит ее встретить? – вмешалась Эдит.

– Она Макгрегор из Крегори. Не совсем ясно, где это, но, кажется, какие-то Макгрегоры живут в старом замке, в нескольких часах езды отсюда.

– Крегора – название замка, – робко пояснила Элинора, словно не была уверена, имеет ли право высказываться.

Линкольн так и подмывало спросить, знает ли она Мелиссу, но он сдержался. Как ни хотелось ему побольше узнать о девушке, он все же предпочел бы услышать о ней от любого, кроме собственной матери.

– Я поеду туда сегодня же. Эдит, если хочешь, присоединяйся.

– Два часа, только чтобы добраться туда, да два обратно? Это немного дольше, чем мне хотелось бы, если учесть, что у меня все кости болят после четырех дней, проведенных в экипаже! Может быть, завтра... если сумеешь выждать так долго, – заявила она со смешком.

Он не мог, и, должно быть, выражение его лица было достаточно красноречивым, потому что Эдит весело добавила:

– Ладно, я в самом деле не желаю проводить столько времени в седле, как бы долго при этом ни отдыхала. Простой поездки по окрестностям вполне достаточно.

– Завтра и я согласна поехать с вами, – вставила Генриетта. – У тебя хватит коней для нас, Элинора?

– Нет, мы держим в конюшне всего несколько упряжных лошадей, поскольку сама я больше не езжу верхом, но до завтрашнего дня я смогу достать вам неплохих скакунов.

– Великолепно. Ты доставишь мне истинную радость.

Беседа перешла на другие темы, что позволило Линкольну снова замолчать. Он тихо радовался, что мать ни разу не обратилась непосредственно к нему. Правда, несколько раз она вроде бы собиралась с духом, но тут же отступала.

Неужели ждет, чтобы *он* начал первым?! Возможно. И вполне вероятно, что он уедет отсюда и ничего не изменится. Может, он и надеялся забыть старые обиды, но не рассчитывал на то, сколько горечи и неприязни вспыхнет с новой силой при виде матери, в том доме, которого она его лишила. Однако от него не ускользнуло, что она заранее позаботилась купить, позаимствовать или нанять того превосходного жеребца, на котором он ездил вчера. Чудесное животное, достойное короля! Значит, подумала об этом еще до его приезда. И после обеда послала к Линкольну слугу, чтобы тот объяснил, как проехать к замку Крегора.

Мать могла бы сама это сделать. Но после его неприветливого молчания в ответ на ее нерешительное замечание за столом, очевидно, не осмелилась, боясь отпора. И все же, понимая, что он не знает дороги, позаботилась дать поручение слуге.

Наверное, так поступила бы всякая мать... без лишних просьб помогла сыну, но лучше бы она этого не делала. Слишком поздно. У нее было девятнадцать лет на то, чтобы исполнить материнский долг, когда он больше всего в этом нуждался. Но она и пальцем не пошевелила. Да, он всячески избегал ее, не отвечал на письма. Но если бы это было так важно для нее, она непременно бы отыскала сына. Прорвала бы тщательно возведенные линии обороны, привезла бы его домой...

Глава 7

Линкольн легко нашел озеро. Оставалось только ехать вдоль берега, причем довольно долго, поскольку берега были неровными и извилистыми, совсем как речные. Да и само озеро оказалось огромным. А замок Крегора стоял на высоком утесе, с видом на воду и горы на другом берегу.

Странно, что Мелисса удалилась так далеко от дома, чтобы поплавать в крошечной лужице, когда под боком такое великолепие! Однако ему стоило радоваться, что она это сделала, иначе он никогда бы ее не встретил.

Сама мысль о том, что они скоро увидятся, взволновала его с новой силой. Как давно он не испытывал ничего подобного. Недаром с нетерпением ждал начала сезона, когда тетка и кузина обнаружат, что ему приелись бесконечные балы, рауты, вечера, ломберные столы и другие развлечения, к которым он, по правде сказать, с самого начала не питал особого интереса. Десять лет он пил из этой чаши, и наконец она для него опустела, после чего Линкольн заключил, что в душе был и остался деревенским мальчишкой. Что стало еще одной причиной, по которой он согласился искать жену.

Крегора-Касл оказался вовсе не так, как, по его представлению, должен быть средневековый замок. Прежде всего крепость была в превосходном состоянии, включая все внешние оборонные стены. Внутренний двор, который они окружали, скорее всего разительно отличался от того, каким был когда-то. Здесь было полно мастерских и хозяйственных построек: деревообделочная мастерская, кузница, пекарня. Взгляд Линкольна привлекла также россыпь каменных коттеджей: что-то вроде небольшой деревушки. Возможно, Мелисса живет в одном из таких домиков или где-то поблизости. Он спросил на конюшне, где может найти ее, и ему посоветовали обратиться в главное здание, напрямик к лэрду, который сейчас дома. И тут Линкольна ждал очередной сюрприз. Он и представить не мог, что окажется в роскошном помещицком доме, со множеством комнат, как подобает владельцу богатого поместья.

Его пригласили подождать в пустой гостиной. Вскоре появился и сам Локлан Макгрегор, владелец Крегоры и нынешний глава этой ветви клана Макгрегоров.

Линкольн по всем стандартам мог считаться высоким мужчиной, но Макгрегор оказался настоящим великаном: нечасто встретишь такого гиганта! И довольно молод, лет сорока пяти, не больше. Широкоплечий красавец, с мощными руками и ногами и широкой грудью, он встретил гостя дружелюбной улыбкой. Протянув руку, он представился. Линкольн последовал его примеру, хотя не назвал своего титула, полагая его чем-то вроде доспехов, которые нет нужды надевать в этом месте.

– Что привело вас в Крегору, мистер Бернетт?

– Я ищу Мелиссу Макгрегор. Мне сказали, что вы можете мне помочь, – объяснил Линкольн.

– А зачем вам Мелисса?

– Приехал попросить ее стать моей женой.

Ему не стоило выдвигать именно эту причину, достаточно было сказать первое, что пришло в голову. Но слова уже слетели с языка и, по-видимому, крайне удивили Макгрегора, хотя тот умудрился в мгновение ока принять бесстрастный вид. В конце концов, до желаний Линкольна никому не должно быть дела, если не считать Мелиссу и, возможно, ее родителей. И то, что он откровенно о них объявил, ни на шаг не приблизило его к цели.

– Давайте пойдем в мой кабинет, где нам не помешают, – предложил Локлан.

– Не хотелось бы отвлекать вас от дел, сэр. Если бы вы только объяснили, как найти...

– В свое время, парень. Сначала скажешь, почему решил, что желаешь жениться на моей дочери.

– Вашей дочери?

– Да, и если ты этого не знал, значит, не настолько хорошо знаком с моей дочерью, чтобы просить ее руки... пока. Но не волнуйся, парень, я тебе не отказываю. Просто нам следует поговорить об этом. Надеюсь, ты согласен?

Линкольн смущенно кивнул и последовал за Локланом. О черт, вот так история! Ну и попал он в переплет! Воображал, будто упоминание о женитьбе поможет преодолеть все препятствия или по крайней мере укажет на серьезность его намерений, что прямоком поведет к цели и поможет обойти множество формальностей. Но, учитывая то, кому он все это выложил, каким же дураком должен казаться в глазах будущего тестя!

Кабинет, подобно гостиной и вестибюлю, был отделан солидными деревянными панелями, полностью скрывавшими каменные стены. Сидя здесь, никто не сказал бы, что находится в замке! Единственное окно, очевидно, расширили. Комната выглядела уютной, мебель – красивой и удобной, а темные тона коричневого, зеленого и черного прекрасно подходили для мужского царства. И все же Линкольну было не по себе.

Для человека, который совсем недавно решил, что пора жениться, и только сейчас понял, *на ком* женится, у него просто не было времени подумать, что именно сказать отцу невесты. Но он уже успел наделать немало промахов! Дьявол! Как же теперь быть? Впервые он до такой степени растерялся!

Однако лэрд не собирался воспользоваться временной победой и, как только они уселись, вывел Линкольна из затруднительного положения, спросив:

– Так когда же вы встретили нашу Мелли?

– Вчера.

Локлан на мгновение потерял дар речи, но, тут же опомнившись, рассмеялся, да так, что из глаз потекли слезы.

– Простите меня, – с трудом выговорил он, – не часто встречаешь человека, который с самого начала знал бы, чего хочет.

– Я верю собственным инстинктам, сэр, – оборонялся Линкольн. – Но возможно, мне следует объяснить подробнее. Я решил обзавестись семьей и собирался найти себе жену во время лондонского сезона. Поверьте, это не прихоть, а хорошо обдуманное намерение. Но, встретив Мелиссу, я понял, что мои поиски на этом и закончились и другая мне не нужна... разумеется, если она согласится. Однако это не означает, что я должен жениться на ней немедленно! И хотя именно этого хочу больше всего, понимаю, что сначала следует завоевать ее сердце. Сегодня же я всего лишь желал объявить о цели своего приезда и заверить, что мое предложение в высшей степени благородно и не задевает чести Мелиссы.

– Хорошо сказано, парень! Я далеко не был так уверен насчет собственной жены, когда впервые встретил ее. Мы довольно долго не выносили друг друга, хотя любовь, не спрашивая, уже прокралась в наши сердца. Но может, ты расскажешь, что за жизнь предлагаешь нашей девочке?

– Разумеется. Я унаследовал два довольно больших поместья, одно в Англии, от моего дяди со стороны матери, другое здесь, в Шотландии, которое включает немало владений как на севере, так и на равнинах.

– Шотландия, вот как? – поднял брови Локлан. – И от кого же именно?

– Моим отцом был Доналд Росс.

Локлан резко выпрямился.

– Будь я проклят! Я ведь знал Доналда и долго горевал, узнав о его гибели. Но ведь твоя мать все еще живет по соседству. Верно?

– Да, хотя меня отослали к дяде после смерти отца, и теперь мой дом в Англии.

– Но почему ты отказался от отцовского имени? – допытывался Локлан.

– Я никогда не пошел бы на такое. Мое полное имя – Линкольн Росс Бернетт. У дяди не было прямых наследников, поэтому он решил передать титул мне и ходатайствовал о передаче его фамилии. Я семнадцатый виконт Кембери.

– Да, вот это сюрприз! Но ты не похож на шотландца, да и выговор у тебя английский.

Линкольн сухо улыбнулся:

– Последние девятнадцать лет я провел в Англии, там же и учился. Мои наставники всеми силами старались выколлотить из меня шотландский акцент.

– Поразительно, но думаю, если достаточно долго живешь среди англичан, легче легкого стать одним из них.

– Надеюсь, вы не питаете неприязни ко всему английскому? – нерешительно осведомился Линкольн.

Локлан добродушно рассмеялся:

– Моя жена англичанка, парень. Тетка тоже была англичанкой. Мои лучшие друзья живут в Англии. Нет, единственное, чего я не перевариваю, так это то, что в Англии слишком много народу, а человек моих размеров привлекает излишнее внимание. Знаешь, мне с моим ростом всегда там неловко.

Линкольн понимающе кивнул. Сам он вечно возвышался над толпой на целую голову, и это не прибавляло ему душевного спокойствия. Возможно, именно поэтому он так старался избавиться от шотландского выговора, который доставлял ему немало неприятностей. Дети, как известно, жестоки и не упустят возможности потешиться над «чужаком», каковым его считали много лет, пока он не стал говорить, как все окружающие.

Но теперь он вскочил, умоляюще взирая на Локлана:

– Значит, вы разрешаете мне ухаживать за Мелиссой?

– Пока у меня нет возражений. Можешь жениться на ней, если придешься ей по нраву так же сильно, как она пришлась тебе. Нас с женой заботит только ее счастье. Хотя мы надеялись, что, выйдя замуж, она не уедет далеко от дома, никто из соседских парней не завоевал ее сердца.

Линкольн облегченно улыбнулся:

– Могу я повидать ее? При условии, что не стану упоминать о женитьбе... пока.

– Боюсь, вы ее не застали, – вздохнул Локлан. – Утром она вернулась домой, но мать немедленно утащила ее в город за какими-то очередными финтифлюшками, понадобившимися в последнюю минуту, ибо завтра Мелли отправляется в Лондон.

– Как, она тоже едет в столицу?

– Да, собирается провести там сезон. Мы ожидаем, что обратно она приедет уже невестой. Поэтому вам придется ухаживать за ней в тамошних салонах. Вам это затруднительно?

– Напротив, куда удобнее, поскольку тетя просила меня быть опекуном кузины на время лондонского сезона.

– Превосходно. Желаю удачи, хотя не думаю, что она вам понадобится. Думаю, и без этого все будет хорошо.

Глава 8

Мелисса ужасно расстроилась, когда узнала о приезде Линкольна Бернетта, но вскоре успокоилась, особенно после того, как отец, многозначительно подмигнув, заверил, что она непременно увидится с виконтом Кембери в Лондоне.

Она хотела выпытать у отца подробности разговора с Линкольном, но в суматохе последних приготовлений совсем об этом забыла. Впрочем, какое имеют значение детали, когда и без того ясно, что они все равно увидятся, и тогда она поближе его узнает.

Поездка в Англию проходила без особых тревожений, тем более что была для Мелиссы далеко не первой. Зато ее дядя еще никогда не был в столице и поэтому засыпал племянницу вопросами. Девушка любила всех дядьев, но Йен Шестой, самый младший из шестнадцати и последний, носивший имя Йен, был, кроме всего прочего, и хорошим другом, поэтому Мелисса от души радовалась, когда родные решили, что именно он будет ее сопровождать.

В двадцать шесть лет Йен сравнялся ростом с братьями, среди которых не было ни одного ниже шести футов. Он был одним из нескольких, кто не унаследовал от отца темно-золотистых волос и светло-зеленых глаз. Волосы у Йена были каштаново-рыжие, приглушенного оттенка, а глаза – лазурно-голубые. Зато на лице красовалась россыпь веснушек, совсем как у матери, что придавало ему мальчишеский вид и делало куда моложе своих лет. Кроме того, он обожал шутки и розыгрыши, хотя крайне серьезно воспринял возложенные на него обязанности.

Она прожужжала Йену все уши насчет Линкольна, так что даже ему не терпелось познакомиться с парнем, который умудрился привлечь ее внимание. Он, конечно, несколько раз предупреждал, что не стоит недооценивать других джентльменов, с которыми она будет встречаться, и следует получше присмотреться к остальным кандидатам.

Мелисса с ним согласилась. Вернее, соглашалась, хотя втайне была уверена, что природа свое возьмет. Однако она собиралась пробыть в столице несколько месяцев и поэтому решила принять совет Йена: оставаться беспристрастной и не отталкивать других возможных поклонников лишь потому, что твердо считала Линкольна единственным, кто ей нужен. Но если что-то пойдет не так? Линкольн может увлечься другой девушкой, так что с ее стороны будет глупо ограничить круг знакомых.

И как же она была разочарована, когда не встретила его так скоро, как надеялась! Весь вечер своего дебюта Мелисса высматривала его среди гостей. Их пригласили на ужин в довольно узком, по мнению герцогини, кругу, куда были приглашены человек тридцать. Сама герцогиня считала этот ужин идеально подходящим событием для того, чтобы ввести подопечную в общество. Но к сожалению, Линкольна не пригласили.

Йен никуда не пошел, да и не собирался посещать большинство собраний, считая герцогиню Ротстон самой подходящей компаньонкой для племянницы, что вполне соответствовало истине. Кто, спрашивается, может перейти границы в присутствии леди столь высокого положения? Заслужить нерасположение Меган Сент-Джеймс – все равно что стать парией, отверженным и навсегда исчезнуть с небосклона великосветского общества английской столицы!

Но когда на завтра Мелиссе поочередно нанесли визит четыре джентльмена, Йен не отходил от племянницы. Некоторые из этих джентльменов вовремя сообразили, что поскольку Йен ее родственник, то неплохо бы завести с ним дружбу, и поэтому из кожи вон лезли, чтобы завоевать его расположение. Йену даже понравился один из них, поскольку оба любили гольф и провели добрых полчаса за оживленной беседой.

Мелисса втихомолку веселилась. Она тоже интересовалась гольфом и с удовольствием приняла бы участие в разговоре, но мужчины так увлеклись, что лучше было не вмешиваться.

Обычно деятельная и энергичная, Мелисса была вынуждена признать, что лондонский сезон – занятие весьма утомительное. Некоторые балы длились едва не до рассвета. Люди

постарше могли отдохнуть и вздремнуть днем, но молодые дамы и джентльмены, съехавшиеся в столицу в надежде найти жениха или невесту, разъезжали по гостям или делали визиты новым знакомым, так что времени на сон почти не оставалось.

Второй вечер Мелисса провела в опере, и снова ее ждала неудача. Вместо того чтобы слушать музыку, она рассматривала зрителей, и на этот раз Меган заметила неладное.

– Ищешь кого-то или просто восхищаешься дамскими туалетами?

Что ж, Мелисса не стала отнекиваться.

– Линкольна Бернетта. Вы с ним знакомы?

– Не думаю.

– Может, тебе известен титул? Виконт Кембери.

– Нет, впервые слышу. Вряд ли ты познакомилась с ним вчера. Я была уверена, что знаю всех приглашенных.

– Я встретила его в Шотландии, за два дня до отъезда. Линкольн там гостил, и па почему-то уверен, что он проведет сезон в Лондоне.

– Вполне возможно. Вижу, он тебе понравился?

– Есть такой грех, – усмехнулась Мелисса. – Удивительно, как быстро я прониклась к нему симпатией, словно мы век друг друга знали. С вами и герцогом было то же самое после первой встречи?

– Совсем нет, – фыркнула Меган, но тут же улыбнулась. – Я пыталась отделаться от него, подозревая, что он работает на моего папашу, а он с самого начала считал меня наглым отродьем. Не могу отрицать, однако, что нас неодолимо тянуло друг к другу, наверное, поэтому мы и пытались скрыть влечение постоянными перепалками.

Мелисса припомнила кое-какие из историй, ходивших об этой паре, и считала их крайне романтичными. Подумать только, пытаться поймать герцога и вместо этого выйти за объездчика лошадей, только чтобы позднее обнаружить, что твоим мужем стал тот самый герцог, о котором ты мечтала!

Да и сама Мелисса ничего не знала о титуле Линкольна, когда втайне о нем вздыхала. Правда, для нее и теперь особого значения это не имело, но Линкольн по крайней мере этого не скрывал. В отличие от Девлина Сент-Джеймса!

– Ничего, дорогая, впереди еще много балов, – утешила Меган, – и твой Линкольн рано или поздно появится. Ну а пока веселись и ни о чем не думай. В конце концов, именно для этого ты и приехала. А замужество... что ж, рано или поздно и это придет.

Мелисса согласно кивнула и весь конец недели и следующую действительно веселилась до упаду. Но когда пошла третья неделя, а от Линкольна по-прежнему не было ни слуху ни духу, девушка решила, что он исчез бесследно.

Глава 9

Так и не встретившись в тот день с Мелиссой, Линкольн, несмотря на разочарование, все же должен был признать, что получил превосходный предлог сократить свое пребывание в Шотландии. Он стремился как можно скорее уехать, тем более что все обернулось не так, как он рассчитывал. Забыть старые обиды оказалось невозможным, мало того, каждый раз при взгляде на мать гнев вспыхивал с новой силой. Боясь, что он не выдержит и даст волю бешенству, что только сделает его жизнь еще горше, Линкольн был исполнен решимости попытаться любой ценой сдерживать свои эмоции, вместо того чтобы окончательно их похоронить.

И Мелисса поможет ему. Он был в этом уверен. Она казалась ярким цветком в мертвом засохшем саду, каким он с недавних пор считал свою жизнь, лишённую радости, истинных интересов, исполненную горечи юношеских бед. До встречи с дочерью Макгрегора единственными, кто понимал его, были тетка и кузина. И теперь Мелисса даст его жизни новую цель. Но для этого нужно сделать ее своей.

Однако он не рассчитывал на то, что Генриетта предложит Элиноর вернуться с ними в Англию, а та примет предложение. Он ломал себе голову, придумывая причину, по которой мать должна остаться дома. Но, учитывая, что тетя и кузина собираются провести лето в Лондоне, нельзя было прямо запрещать Элинор ехать с ними. Не может же он сказать прямо, что желает очутиться как можно дальше от родной матери! И кроме того, трудно представить, что тогда начнется! Все равно что открыть банку со скорпионами, чего он всячески старался избежать.

Но хотя он надеялся выехать в Лондон сразу же за Мелиссой и даже останавливаться в тех же гостиницах, чтобы как можно скорее начать ухаживать за ней, решение матери ехать с ними положило конец всем его намерениям. Впрочем, задержка будет не так уж и велика. Они прибудут в Лондон всего на день позже Мелиссы. И он знает, где ее найти: Локлан на прощание объяснил, что она остановится у Сент-Джеймсов, которые вывозят ее в свет. Правда, он не знал никаких Сент-Джеймсов, но будет не так уж сложно узнать адрес.

К сожалению, в Лондоне жили четверо Сент-Джеймсов. Самым известным и знатным был герцог, которого Линкольн немедленно вычеркнул из списка. Четыре дня ушло на то, чтобы разыскать остальных трех. Первый оказался начинающим актером, настоящая фамилия которого была совсем иной. Молодой человек попросту решил, что пышный псевдоним более соответствует его профессии. По второму адресу обитала вдова капитана, не имевшая знакомых в Шотландии. Третью квартиру – в бедном квартале – занимала семья из десяти человек, и здесь едва хватало места для них самих, не говоря уже о гостях.

У Линкольна не осталось выбора, кроме как отправиться в городской дом герцога Амброуза Девлина Сент-Джеймса, хотя он был уверен, что зря тратит время: вряд ли его будущая невеста водит знакомство со столь знатными людьми, да еще такое близкое, что они согласились вывозить ее в свет. Но если это так – тем хуже, ибо тогда о встрече с Мелиссой не может быть и речи. Нельзя же вот так, запросто приехать с визитом к его светлости, без личного приглашения или их визитной карточки – доказательства того, что вы знакомы, тем более что и личного дела к герцогу у Линкольна не было.

Оказалось, что Мелисса гостила именно здесь. Дворецкий оттаял настолько, чтобы сообщить это Линкольну, за мгновение до того, как захлопнул дверь перед его носом. Линкольн больше не постучал, зная, что все это бессмысленно. У него не было с собой карточки, и пришлось спросить, тут ли Мелисса, что яснее ясного указывало на отсутствие всяких предлогов и прав приближаться к этому дому. Разумеется, верный страж дома герцога и не подумал его впустить.

Что-то похожее на отчаяние охватило Линкольна на обратном пути в дом Бернеттов. Он не думал, что встретится с Мелиссой на каждом из светских собраний, куда приглашали Эдит, но уж на каком-то непременно ее увидит! Ну а потом... получит возможность нанести ей визит. Теперь же его надежды были разрушены. Высокородные Сент-Джеймсы станут посещать только самые изысканные собрания нынешнего сезона. Он почти никого не знал из их круга, поскольку до сих пор его общество состояло в основном из таких же холостяков, как он сам. А приглашения, посланные Генриетте, были в основном от ее приятельниц, таких же мамаш с юными дочками-невестами, которые охотились за ним.

То обстоятельство, что Линкольн был богат и титулован, позволяло считать его выгодной партией, а следовательно, поток приглашений будет увеличиваться. Но эти приглашения не обязательно будут теми, которые они примут. Прежде чем войти в самое высшее общество, следует твердо поставить ногу на порог. Пока что этой возможности не предвиделось, ибо он не знал никого, кто мог хотя бы приоткрыть дверь.

Генриетта, как всегда проницательная, заметила его плохое настроение. Она достаточно хорошо знала племянника, чтобы не отнести его на счет сегодняшнего присутствия Элинора в театре.

– Ты выглядишь так, мой мальчик, словно потерял лучшего друга. Случилось нечто неприятное, о чем ты еще не рассказал мне?

– Ничего особенного, кроме того, что Мелиссе Макгрегор, оказывается, покровительствуют герцог и герцогиня Ротстон. А в остальном все хорошо, – невесело улыбнулся он.

– Герцог и герцогиня? Да, ничего не скажешь, большая удача для девочки. Но почему ты так расстраиваешься?

– Мы никого не знаем в их кругу.

– Мы – нет, – согласилась она. – Но ты знаешь. Не кого иного, как Мелиссу Макгрегор.

– Тетя Генри, это не поможет мне войти в дверь их дома.

– Так хорошо охраняют? – усмехнулась тетка.

– Боюсь, что так.

– Ничего не скажешь, задача, – вздохнула Генриетта, но, тут же просветлев, предложила: – Позволь мне завтра навестить кое-кого из приятельниц и узнать, что к чему. Я не особенно разбираюсь в том, кто кого знает и кто к кому вхож, но будет нетрудно найти знакомых герцога.

Линкольн кивнул. Первым его порывом было ворваться в дом и потребовать позвать Мелиссу. Но это вызвало бы скандал, который наверняка повредил бы ему, не говоря уже о нерасположении герцога, которого никому не хотелось бы испытать на собственной шкуре. И вместо того, чтобы подобно нищему со шляпой в руках обосноваться у особняка Ротстонов в надежде перехватить ее на пути к дому, чего он просто не мог себе представить, Линкольн был вынужден набраться терпения и искать другие выходы.

Один из этих выходов заключался в том, чтобы узнать, куда она собирается, а потом тайком пробраться туда же, затеряться в толпе и предстать перед ней. Старый испытанный трюк, но как же будет стыдно, если незваного гостя обнаружат и с позором выведут?!

Тете тоже не повезло. Среди ее знакомых не было никого, кто бы мог представить Линкольна герцогине.

Линкольн пришел в отчаяние и начал подумывать о крайних мерах.

Однако на следующее утро прибыло приглашение. Линкольн, а вместе с ним и весь дом, немедленно узнал о великом событии, поскольку Эдит завизжала так громко, что переполюшила даже кухарку, прибежавшую на вопли из кухни.

– Поверить не могу! – воскликнула Генриетта как раз в тот момент, когда на сцене появился племянник, после чего повторила это еще три раза.

Эдит по-прежнему испускала вопли, хотя уже не такие оглушительные. Две нижние горничные, приподнявшись на цыпочки, заглядывали ей через плечо, стараясь понять, что вызвало такой восторг.

Линкольн понял, что, даже если спросит, вразумительного ответа не дождется. Поэтому молча взял из рук кухни листок бумаги, прочел и вскинул брови.

– Бал? И что тут особенного? Неужели это такое важное событие?

– Не просто бал, дорогой мальчик. БАЛ! Ежегодный бал у Муров – одно из самых исключительных событий сезона! Сколько дам вздыхают и жалуются на то, что их не пригласили! Последние два дня я ни о чем ином не слышу!

– Значит, какой-то из визитов, сделанных тобой вчера, все же принес свои плоды?

– Не может быть, – покачала головой Генриетта. – Это не моих рук дело.

И тут ее взгляд неожиданно упал на замершую на ступеньках Элиноর.

– Это ты устроила, верно? Но как тебе удалось, дорогая?

Элиноর попыталась было отрицать, но на щеках вспыхнул предательский румянец.

– Элизабет Мур – моя старая школьная подруга, – с деланной небрежностью бросила она, – и каждый год приглашает меня на свой бал. Я постоянно отказываюсь, поскольку в это время обычно бываю в Шотландии, но вчера отправила ей записку, где сообщила, что сейчас гощу у родственников в Лондоне.

– Но в приглашение включена вся семья! – воскликнула Генриетта.

– Да, Элизабет крайне педантична. Никогда не упускает ни малейшей мелочи, из-за которой может попасть в неловкое положение, – пояснила Элиноর.

– И все это время вы с леди Мур не забывали друг друга?

Элиноর кивнула.

– Когда у тебя налаженное хозяйство, не требующее много времени, сочинение писем становится одним из любимых занятий. До замужества у меня было много знакомых в Англии, и я до сих пор не растеряла старых связей. Ты, разумеется, можешь сказать то же самое о себе.

– Верно, – хмыкнула Генриетта, – хотя никто из моих приятельниц не получал такого завидного приглашения.

Элиноর снова залилась краской, возможно, потому, что Линкольн не сводил с нее недобрых глаз. Он оказался в затруднительном положении, и она снова без всяких просьб поспешила ему помочь. Мелисса скорее всего будет на этом балу, а если и нет, это приглашение откроет для него все необходимые двери на те собрания, которые она непременно посетит до конца сезона.

Но пусть мать не воображает, что дождется его благодарности! Несмотря на то что она и в этот раз его выручила, он предпочел бы, чтобы она не так рьяно старалась заслужить его признательность. Где она была раньше, когда он так нуждался в ее ласке? И теперешние благодеяния только подчеркивали ее бывшее равнодушие. Неужели она думает, что жалкими подачками возместит девятнадцатилетнее одиночество сына? Ничто не заставит Линкольна забыть о том, как жестоко она вытолкнула его из своей жизни.

– Тебе понадобится новое платье, Эдит, и я ничего не пожалею! – взволнованно воскликнула Генриетта. – Да и нам с Элиноর тоже! К счастью, у нас еще есть полторы недели, чтобы хорошенько подготовиться! Я не собиралась посещать балы, считая, что одного Линка вполне достаточно, но на этот поеду обязательно! Боже, ко мне словно вернулась молодость, и я почти чувствую себя восемнадцатилетней!

Глава 10

Пошла уже третья неделя с тех пор, как Мелисса пыталась найти Линкольна. Отчаяние девушки было так велико, что она подумывала вернуться домой и искать утешения в материнских объятиях. Но разве могла она поступить так с Меган, приложившей столько усилий, чтобы подопечная познакомилась с самыми блестящими семействами Лондона?!

К счастью, вскоре приехал Джастин, а Джастин всегда умел утешить ее и отвлечь от тяжелых мыслей.

Она знала наследника Сент-Джеймсов всю свою жизнь и особенно подружилась с ним в тот год, когда он провел в горах Шотландии все лето. Тогда ему было восемь, ей – семь; оказалось, что у них много общего, и с тех пор эти двое стали неразлучны.

Правда, потом у Джастина появились три сестры и брат, но для Мелиссы он, подобно Йену Шестому, всегда оставался чем-то вроде брата.

К ее удивлению, эта близость сохранилась до сих пор, хотя они жили далеко друг от друга и даже виделись не каждый год. Зато при малейшей возможности писали друг другу. Правда, это скорее смахивало на душевный разговор: все равно что поверять друг другу секреты через забор, когда не видишь человека, с которым разговариваешь, но знаешь, что он или она тебя слушает.

Иногда родители намекали на то, что из них вышла бы прекрасная пара. Но и Мелисса, и Джастин считали это вздором. Может, действительно из лучших друзей выходят неплохие супруги, но не в том случае, когда этот самый друг стал тебе кем-то вроде брата или сестры.

Обычно она выкладывала Джастину все, что было на душе. Но на этот раз, как ни странно, умолчала о Линкольне Бернетте, возможно, потому, что прошло слишком много времени, и она была уверена, что больше никогда не увидит его: так что какой смысл? Джастин непременно посочувствовал бы, но сочувствие – именно то, в чем Мелисса не нуждалась. Кроме того, она боялась, что расплатится от обиды, если начнет пересказывать подробности. Не хватало еще, чтобы Джастин посчитал ее дурочкой. С ее стороны и так достаточно глупо лелеять какие-то надежды и ожидания после единственной встречи.

Поэтому Мелисса решила выбросить из головы грустные мысли и твердо помнить: она здесь затем, чтобы развлекаться и попутно, если выйдет, найти мужа. И Джастин ей поможет во всем, что касается развлечений, поскольку уже согласился сопровождать своих дам на балы.

Мелисса втайне была благодарна ему, помня, что весь прошлый сезон Джастин впервые вращался в вихре светских удовольствий и остался весьма недоволен. Он долго жаловался на это обстоятельство в своих письмах. Бедняга так долго жаждал войти в мир взрослых, только чтобы обнаружить, что предпочитает общество своих друзей, как раньше, когда только вернулся домой из школы.

Джастину также не терпелось познакомить ее с двумя молодыми людьми, которые, по его словам, непременно ей понравятся. Нет, он вовсе не собирался ее сватать. Просто не думал, что эти его приятели часто бывают в обществе. Поэтому вряд ли они смогут познакомиться с Мелиссой, если он не устроит их встречи.

Однако насчет одного он ошибся. Ричард Сизли был старшим братом одного из школьных приятелей Джастина и, подчинясь требованиям семьи найти себе жену в этом сезоне, был вынужден подобно остальным молодым холостякам прилежно посещать балы и вечера.

Все это Ричард объяснил Мелиссе во время танца. Это был ее второй бал, куда пышнее первого, с вдвое большим количеством приглашенных. Оказалось, что она уже виделась с Ричардом в прошлый раз, но не запомнила его имени. Однако вспомнила, что он сумел заставить ее рассмеяться, что говорило в его пользу, учитывая то подавленное настроение, которое владело ею всю предыдущую неделю.

Что же, довольно милый молодой человек и к тому же очень приятный на вид. Не так красив, как Джастин, но вряд ли хоть один мужчина в этом зале может сравниться с Джастином, чьи родители были просто неотразимы. Даже Линкольну было до него далеко...

Ах, она знала, что так будет... начнутся эти сравнения с Линкольном! И должна бы ощущать хоть какое-то влечение к Ричарду, но нет, ничего. И все из-за него.

Джастин непременно разозлится на нее, увидев, что она не дала Ричарду ни единого шанса. Сам он искренне восхищался Ричардом, говорил о нем только хорошее. И Ричарду она, кажется, понравилась. Недаром он ненавязчиво дал ей это понять еще при первой встрече. Но при этом только полный болван не смог бы сообразить, насколько она равнодушна ко всем знакам внимания. Поэтому не успела еще музыка смолкнуть, как Ричард уже обратил взор к другим, более приветливым девицам.

Она сжигала собственные мосты и ничего не могла с этим поделать! Ну и пусть! Подумаешь, не найдет мужа в Лондоне! Родители ничуть не расстроятся. И где это сказано, что женщина должна непременно выходить замуж, едва расставшись со школьной партой?! Мужчины ведут себя совершенно по-другому! Не хотят – и не женятся! Делают все, что в голову взбредет. По крайней мере большинство из них!

Вот и она посвятит себя всему, что угодно, кроме семьи! Может, осушит озеро, чтобы доказать правоту своих утверждений и показать, какое чудище кроется на дне. Приобретет известность, станет знаменитой! Мелисса Макгрегор – открывшая человечеству первого в истории дракона...

И в этот момент она заметила его... Да, она присматривалась ко всем черноволосым мужчинам. Высоким мужчинам. Сочетание того и другого притягивало ее словно магнит.

Мелисса споткнулась, пытаясь одновременно следить за ним и кружиться в вальсе. Но это, разумеется, оказалось невозможным. Кроме того, они успели за это время переместиться на другую сторону бального зала.

Мелисса извинилась перед Ричардом, умудрившимся удержать ее от падения, когда она запуталась в собственной юбке. Они снова приближались к тому месту, где она видела Линкольна. Но его там не было. Неужели ей показалось? Неужели так сильно хотела его встретить, что у нее начались галлюцинации?

– Вам нехорошо? – осведомился Ричард.

Наверное, она выглядит так же отвратительно, как чувствует себя.

– Да... то есть нет. Не согласитесь проводить меня к герцогине? Кажется, новые туфли натерли мне ноги.

Это было откровенной ложью, но Ричард кивнул и повел ее к Джастину: Меган в эту минуту танцевала со старым другом семьи. Вежливо объяснив, почему им пришлось прервать танец, Ричард оставил их наедине.

Джастин, провожая глазами друга, немедленно вступившего в разговор с другой молодой особой, осуждающе прошипел:

– Значит, не понравился?!

– Не расстраивайся! Просто не могу сосредоточиться ни на ком, когда все мысли о другом мужчине.

– Каком именно?

– Вот... этом.

Он снова появился... не более чем в десяти футах от нее, и таращился так, словно нашел что-то давно потерянное и бесконечно дорогое. Она, возможно, выглядела точно так же, если не хуже, тем более что побагровела от смущения и, кажется, забыла, что нужно дышать. Сердце куда-то покатилося. Она никогда не простит себе, если упадет в обморок!!

Мелисса не могла взять в толк, почему Линкольн так долго не показывался. Но он, разумеется, непременно объяснит, как только подойдет.

Однако Линкольн не двигался с места. Прошла минута... другая... третья... и Мелисса решила, что он вовсе не собирается возобновлять их знакомство.

Глава 11

Перед ним была не та простушка в скромном наряде, запечатлевшаяся в памяти Линкольна. Он едва узнал Мелиссу, такой разительной была перемена. Она – само воплощение прелести в вечернем туалете из бледно-голубого атласа, расшитого причудливыми цветами из переливчатых бусинок, с квадратным вырезом, треугольным корсажем и короткими пышными рукавчиками. Длинные перчатки и туфельки были из такого же атласа. Сегодня из простой элегантной прически не выбивается ни единого волоска.

Поразительное платье... и она неотразима в этом платье. Но чего и ожидать, если она на дружеской ноге с герцогами и герцогинями!

Та растрепанная и смеющаяся девчонка, на которой он под воздействием мгновенного порыва решил жениться, ничем не напоминала эту молодую даму. Кроме того, она уже несвободна. Мужчина, с которым она стояла, был необычайно красив и держался с царственным видом. Он не слышал, о чем они говорили, но, судя по виду, их отношения не ограничивались недавним знакомством. Кроме того, Мелиссу только что проводил к нему партнер по танцу, значит, именно он был ее кавалером на сегодняшний вечер.

Что же, недаром ее отец сказал, что дочь скорее всего вернется домой помолвленной, и Мелисса, очевидно, зря времени не тратила. Разумеется, этот тип слишком молод для нее... вернее, не слишком, возможно, ровесник, и рядом с ним Линкольн неожиданно почувствовал себя ужасно старым.

Линкольн отвернулся, чтобы уйти, и поэтому не заметил ее отчаянного взгляда.

Но он не сделал и двух шагов, когда на плечо опустилась чья-то рука и рассерженный голос прошептал в ухо:

– Я не знаю вас, и вы не знаете меня, но просто руки чешутся оторвать вам голову за то, что только сейчас сделали с Мелли.

– Простите? – холодно бросил Линкольн, сбрасывая с себя чужую руку.

– Черта с два я вас прощу! Почему вы только сейчас обидели ее до глубины души? И если станете утверждать, что безразличны к ней, я назову вас проклятым лжецом и к тому же слепым.

– Значит, вы еще не предъявили на нее прав? – нахмурился Линкольн.

– Забавно! – фыркнул молодой человек. – А если да? Это означает, что вы должны бежать без оглядки? Да я скорее согласился бы добровольно провалиться сквозь землю, чем так легко сдаться!

– Я не сдавался. Просто решил зализать раны в одиночестве, – сухо пояснил Линкольн.

Джастин понимающе усмехнулся:

– Да ну? Что же, это дело другое и вполне приемлемое. Может, начнем сначала? Я Джастин Сент-Джеймс, вполне возможно, лучший друг Мелли, и, кстати, это единственное право, которое могу предъявить на нашу милую девочку. Я в самом деле искренне ее люблю, не меньше, чем моих озорниц сестер. Ну а теперь вы, наверное, хотели бы с ней познакомиться?

– Мы уже встречались, – промямлил Линкольн, стыдясь того, что так быстро пришел к неверным выводам и, поддавшись первому впечатлению, так легко отказался от представившейся возможности.

– В таком случае не хотите ли потанцевать с ней, чтобы обсудить... зализать раны в полуодиночестве? – поддразнил Джастин с лукавым блеском в глазах. – Хотя советую действовать быстро, пока не вернется мать и не подвергнет вас допросу с пристрастием: рекомендации и тому подобное. Поверьте, она способна терзать вас часами, прежде чем сочтет достойным внимания ее подопечной.

– И что заставляет вас думать, что я... окажусь достойным? – сардонически осведомился Линкольн.

– По мне можете быть хоть нищим. Мелли вы нравитесь, и это для меня единственный имеющий значение довод.

«Мелли вы нравитесь».

Всего три простых слова, но какую бурю эмоций подняли они в его душе!

Она стояла на том же месте, не сводя с него глаз. Только лицо превратилось в маску, не выдавая владевших ею чувств. У него не хватило силы воли на что-то подобное. Линкольн сильно нервничал, что было весьма для него непривычно: с женщинами он всегда вел себя спокойно и уверенно. Возможно, дело было в том, что остальные оставляли его равнодушным. В отличие от Мелли.

За последние недели она доставила ему массу неприятных эмоций, но лишь только потому, что была недосыгаема. Но сейчас она рядом, близко... если, разумеется, согласится говорить с ним после того, как он «оскорбил ее до глубины души». Линкольн вовсе не хотел этого. Не подумал, как подействует на нее его уход. Просто было мучительно видеть ее с другим.

Он кивнул молодому человеку и направился к Мелиссе. Вопреки его опасениям она не отвернулась. Ждала, пока он приблизится. И даже нерешительно улыбнулась: куда большая милость, чем он заслуживал в этот момент.

– Мы снова встретились, Мелисса Макгрегор.

Ее улыбка словно осветила весь зал, хотя она всего лишь коротко обронила: —Да.

– Ваш следующий танец уже обещан?

– Он был оставлен Джастину, для того чтобы дать мне возможность отдышаться. Но я уже успела отдохнуть и буду счастлива принять ваше приглашение... если вы приглашаете, конечно.

– Приглашаю.

Предыдущий танец только что окончился, и музыканты вновь заиграли вальс. Линкольн, не теряя времени, повел ее к центру зала, пока не явилась строгая опекушка и не принялась его «допрашивать». Оказывается, он и не подозревал, какое это удовольствие – быть с ней, прикасаться, обнимать за талию, как предписывалось правилами танца. Впрочем, он забыл обо всем и так и стоял в центре зала, уставясь на нее и не замечая любопытных взглядов других пар, кружившихся в вальсе.

– Я было подумала... то есть решила, что больше никогда вас не увижу, – заметила Мелисса.

Ее голос заставил Линкольна очнуться и сделать первый шаг.

– Если хотите знать, я боялся того же. А когда узнал, где вы гостите...

– Вы знали и не нанесли мне визит?!

– Возможно, вы не совсем сознаете, какое высокое положение занимают ваши друзья. Без их приглашения или визитной карточки меня и на порог не пустят!

– Вот как? Почему же? Я и не знала. В Шотландии таких формальностей не соблюдают.

– Да и в Англии далеко не везде, но большинство людей не носят герцогского титула! Думаю, мне необходимо встретиться с вашей покровительницей и испросить разрешения нанести вам визит как полагается.

– О, не стоит так расстраиваться, – усмехнулась Мелисса. – Меган Сент-Джеймс очень милая дама, и к тому же понимающая. Уверена, что она посочувствует вашим горестям. И к тому же знает о вас.

– Неужели?!

– Я спрашивала, знакома ли она с вами, – объяснила она, слегка краснея.

– На что она, разумеется, ответила отрицательно, – сухо добавил он.

– О, только не обижайтесь. Она сама редко бывает в свете. Сент-Джеймсы предпочитают деревню.

– Почему же она согласилась вывозить вас в этом сезоне? – удивился он.

– Герцогиня и герцог были друзьями моих родителей еще до моего рождения. Собственно говоря, благодаря им отец с матерью поженились. И поскольку у меня самой появились кое-какие матримониальные планы, Меган и предложила осуществить их в Лондоне. У меня слишком мало надежд найти жениха в Шотландии.

– Простите, но в это трудно поверить, – покачал головой Линкольн.

Мелисса снова вспыхнула.

– Видите ли, иногда мои родственники могут быть несколько... устрашающими.

Линкольн кивнул. Должно быть, так оно и есть. Знай он, что Мелисса – дочь вождя клана Макгрегоров, дважды подумал бы, прежде чем подойти к нему и попросить разрешения ухаживать за его дочерью. Правда, вполне возможно, что это соображение его не остановило бы, но другие, очевидно, далеко не так храбры.

– Сколько же у меня соперников? – небрежно спросил он, втайне боясь ответа. У нее было почти три недели, чтобы познакомиться со сливками лондонского общества. Сколько раз он изводил себя этими мрачными мыслями, стоя у герцогского дома и наблюдая, как к крыльцу подъезжает поток карет, откуда выходят щеголевато одетые молодые люди. В отличие от него двери перед ними незамедлительно распахивались! К кому они приезжали? К Джастину, или... или это все поклонники Мелиссы? Он, естественно, предполагал последнее, не зная, что сыну его светлости было уже почти двадцать.

– Я обнаружила, что ни одного не стоит поощрять, – в тон ему ответила Мелисса.

– А меня? Меня стоит?

На этот раз в его голосе не было шутилых ноток. Их глаза встретились. Его пальцы застыли на ее талии. Движения их замедлились. Оба словно не слышали музыки. Линкольн сверхъестественным усилием воли удерживался от того, чтобы не поцеловать ее при всех.

Застанет ли он ее когда-нибудь одну, чтобы без помех поддаться этому порыву?! Сможет ли когда-нибудь не чувствовать этого порыва в ее присутствии?! Возможно, ни тому ни другому не бывать. Она слишком красива, слишком желанна, и он никогда еще не испытывал подобного влечения ни к одной женщине.

На этот раз чары улетучились при виде покрасневшегося личика девушки. Достаточно красноречивый ответ! Просить большего было бы неприлично, поэтому он поспешил сменить тему:

– Я не заметил здесь вашего отца. Родители не приехали в Лондон вместе с вами?

– Собирались. В следующем месяце. Отец терпеть не может Лондон. С большим трудом удалось уговорить его немного погостить в столице.

– Да, помню, как он во время нашей короткой беседы говорил о нелюбви к многолюдным местам, – кивнул Линкольн. – Мои родные собираются пробыть здесь довольно долго. Собственно говоря, меня уговорили вывозить в свет мою кузину. Она тоже достаточно взрослая, чтобы подыскивать себе жениха.

– Похоже, это место как нельзя лучше подходит для таких целей, – заметила Мелисса.

Линкольн улыбнулся:

– Я тоже так считаю, но для моей кузины Эдит это будет нелегко. Она не считается красивой в общепринятом смысле слова. Но зато сердце у нее из чистого золота. Не встречал никого милее и добрее. Повезет тому, кому она отдаст свою преданность.

– Похоже, вы ее очень любите.

– Совершенно верно.

Но он отнюдь не смотрел на кузину через розовые очки. Она не пользовалась успехом и только чудом могла привлечь внимание достойного мужчины. Нужно было очень хорошо знать

ее, чтобы оценить по достоинству. И за прошедшие две недели она не обзавелась ни одним поклонником.

– Ваши родственники сегодня здесь?

– Да.

– Я бы хотела с ними познакомиться.

– Конечно, хотя, думаю, приличнее всего было бы сначала представиться вашей Меган, прежде чем тащить вас через весь зал, знакомиться с моими родственниками.

– Судя по тону, вы все еще представляете герцогиню огнедышащим драконом, – хмыкнула Мелисса, – но думаю, вас ожидает приятный сюрприз.

Музыка смолкла. Настало время проверить, права ли Мелисса. Линкольн предпочел бы провести остаток вечера рядом с ней, но этикет такого не допускал. Однако сама Мелисса могла и не знать строжайших правил поведения, по которым жили высшие классы. Ей ничего не стоило потянуть его за руку к тому месту, где стояла герцогиня. Такое позволялось родственникам и даже помолвленным парам. Но не людям, едва знавшим друг друга.

Оказалось, однако, что определение «приятный сюрприз» далеко не отдает должное герцогине Ротстон. Прежде всего Линкольн не ожидал, что она так молода, всего лет на шесть-семь старше его, и ослепительно прекрасна. При одном упоминании его имени она одарила Линкольна сияющей улыбкой и немедленно пригласила навещать их.

– Нашли ее наконец? – спросила она. – Я уведомя своего дворецкого, что вы желанный гость в нашем доме. Не хотите ли прийти завтра на чай?

Никаких допросов, о которых его предупредили; всего лишь обычное уточнение деталей, как всегда, при первом знакомстве. И ему не пришлось вести Мелиссу к своим родственникам, они сами нашли его, прежде чем девушка умчалась в танце со следующим партнером.

Он сначала представил тетку с кузиной и лишь потом, словно спохватившись, – Элинор. И не заметил любопытствующего взгляда, брошенного на него Мелиссой, хотя сознавал, насколько сдержанно ведет себя... впрочем, как всегда, в присутствии матери. Пусть она и помогла сыну выпутаться из всех затруднений, но это не изменило его чувств к ней.

Однако его тетка была счастлива увидеть Мелиссу и совершенно заговорила бы ее, если бы не партнер, нетерпеливо ждавший возможности увести девушку. Эдит, алевшая как маков цвет, совершенно потеряла голову из-за неожиданной близости к самому красивому и, несомненно, самому завидному жениху королевства, Джастину Сент-Джеймсу, а заодно с головой лишилась и дара речи.

Линкольн только вздохнул, когда молодой человек и Мелисса удалились. Меган, услышав это, весело хмыкнула.

– Думаю, за последующие недели вам не раз еще придется вздыхать, – едва слышно заметила она. – И совершенно напрасно. Она довольно ясно выказала свое предпочтение. Уверена, что вам, лорд Кембери, будет куда легче, чем остальным, найти себе невесту в этом сезоне.

Линкольн от души на это надеялся. И поскольку покровительница Мелиссы, очевидно, была на его стороне, он немного успокоился и даже улыбнулся, когда Джастин склонился перед его кузиной и спросил:

– Могу я пригласить вас на следующий танец, мисс Бернетт?

Бедняжка Эдит едва не лишилась чувств.

Глава 12

Линкольн не помнил, как дождался того времени, когда настала пора ехать к Мелиссе. Будь его воля, он примчался бы к Сент-Джеймсам с первыми лучами солнца, но, к сожалению, его вряд ли приняли бы в такой час. Он смог дотянуть до той минуты, когда, по его расчетам, семейство успело пообедать, и вскоре уже стучался в дверь. На этот раз дворецкий, услышав его имя, без лишних слов проводил в гостиную. Не успел Линкольн восхититься элегантной обстановкой, как в комнату вбежала запыхавшаяся Мелисса и приветствовала его счастливой улыбкой.

Он снова загляделся на нее. Для него она была невероятно прекрасна, не так ослепительна, как в ночь бала, но и не сельская пастушка. Сегодня, в модном дневном платье из кремового органди, она казалась истинной англичанкой, хотя из узла волос выбилось несколько непослушных прядок, напомнив ему о встрече у пруда.

Линкольн все смотрел на нее, так пристально, что не заметил, что они одни в комнате. А когда заметил, внимательно оглядел гостиную, желая убедиться, что глаза его не обманули.

– Не верю, что тебя никто не сопровождает, – едва выговорил он наконец.

– Сейчас придет дядя. До сих пор его всегда звали вниз, когда у меня был визитер. Йен совсем запугал дворецкого, грозя невыносимыми карами, если тот его не предупредит, – полупуштя объяснила она. – Очевидно, принял всерьез наказания отца и готов охранять меня ценой собственной жизни.

– В таком случае я буду последним глупцом, если не воспользуюсь моментом.

Ее глаза изумленно раскрылись, когда он взял ее руку, отвел в сторону, чтобы никто не увидел их в раскрытую дверь, и стал целовать. Мелисса не пыталась его остановить, наоборот, растаяла в крепких объятиях. И это было куда лучше, чем Линкольн мог себе представить. Впервые он пил мед ее уст, прижимал к себе, словно заворачивая в теплый кокон, в котором никому и ничему, кроме них двоих, не было места.

Сначала Линкольн был очень сдержан, не желая пугать ее. Мелисса, казалось, удивилась, когда его язык приоткрыл ее губы, скользнул внутрь и сплелся с ее языком. Но она быстро привыкла и оказалась ревностной ученицей, стремясь, как и он, насладиться ласками.

Они так увлеклись, что не слышали кашля, становившегося все громче, пока наконец резкие звуки не проникли в магическое царство, созданное исключительно для них. Только тогда Линкольн поспешно разжал руки, постаравшись, правда, чтобы Мелисса не упала. Потом отступил и, обернувшись, оказался лицом к лицу с высоким молодым человеком, мрачно взиравшим на него с порога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.